

Владимир Любичкий

ВЕК ГОДАМИ
НЕ ИЗМЕРИТЬ

Владимир Любицкий

Век годами не измерить (сборник)

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Любицкий В. Н.

Век годами не измерить (сборник) / В. Н. Любицкий — «Э.РА»,
2015

ISBN 978-5-000391-90-7

ОТ АВТОРА: Мы, люди, извечно воюем. С природой, друг с другом, с проблемами, которые зачастую сами же создаём. События, о которых рассказывает эта книга, разделяет больше полувека, но объединяет их то, что не измерить простой арифметикой лет. Мера им – человеческие судьбы.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-000391-90-7

© Любицкий В. Н., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Где-то на той войне...	6
За два года до похода	8
За пять месяцев до похода	15
За два месяца до похода	20
За 25 дней до похода	22
Первая неделя похода. Владивосток, залив Петра Великого.	25
Десятый день похода	35
Третья неделя похода	38
24-й день похода	45
Два месяца спустя	48
33-й день похода	51
Седьмая неделя похода	58
Несколько дней спустя	61
Десятая неделя похода	65
На следующий день	67
А в это время севернее...	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Владимир Любицкий

Век годами не измерить

© Владимир Любицкий, 2015

Где-то на той войне... Киноповесть

Эта повесть – одна из тех героических страниц Великой Отечественной войны, которые до сих пор остаются малоизвестными для большинства наших соотечественников. Тем более неизвестными остаются имена краснофлотцев, которые в 1942–1944 гг. совершили беспрецедентный, первый в мире трансокеанский переход на подводных лодках из Тихого океана в Баренцево море через Панамский канал и Атлантику. По существу, мальчишки (даже офицерам было едва ли больше 25-ти), преодолевая шторма, тропическую жару и приполярный холод, ежечасно рискуя столкнуться с врагом, в тревоге за родных и близких, многие из которых остались в оккупированных врагом районах, они всё же выполнили приказ. Лишь одна из шести лодок стала во Владивостоке памятником их подвигу – остальные остались в морях. И до последнего времени информация о походе была засекречена.

Повесть впервые раскрывает подробности этого подвига, написана на основе воспоминаний одного из участников событий с сохранением подлинных имён и фамилий действующих лиц, с приложением полного списка личного состава подлодки С-54, с использованием других отечественных и зарубежных источников.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору технических наук, профессору Вячеславу Николаевичу ВОРГАЧЁВУ за предоставленные материалы, а также кандидату исторических наук Геннадию Александровичу ВОСКРЕСЕНСКОМУ за поддержку в осуществлении замысла.

Первому в мире трансокеанскому переходу советских подводных лодок во время Второй мировой войны посвящается

По улицам Владивостока мчится такси. Мчится – это, конечно, сильно сказано: время утреннее, час пик, и водитель, человек, по всему видно – опытный, всё же с трудом находит возможность маневрировать в потоке машин. Пассажир на соседнем сиденье, мужчина преклонных лет, совершенно седой, но с пышной, красивой шевелюрой, то и дело поглядывает на часы. Он очень волнуется и едва сдерживается от понуканий, но с явной досадой провожает взглядом машины, которым удаётся изредка обгонять такси.

В этот момент картинка перед ним как бы раздваивается: справа – всё тот же поток машин, а слева – тоже улица Владивостока, но не сегодняшняя, а много лет назад – солнечным вечером 22 июня 1941 года. По ней стремглав бежит матрос – будто наперегонки с этим нынешним потоком автомобилей. Но там над бухтой Золотой Рог разносится острый, пронзительный звук боевой тревоги. Матрос изо всех сил несется по улице, люди, спокойно гуляющие по набережной, с улыбкой уступают ему дорогу и провожают понимающими взглядами: в городе, где каждый живет морем, никому не надо объяснять, что такое сигнал тревоги. Но на лицах тревоги нет: разница с Москвой по времени – семь часов, и никто еще не знает, что случилось в стране и в мире...

Улучив момент, водитель взглянул на пассажира и улыбнулся:

– Не волнуйся, отец, теперь успеем, – он совершает очередной удачный маневр и в такт своим движениям приговаривает слова старой детской песенки: – Якоря мы... поднимем... вот так!.. Паруса мы... поставим... вот так!.. Веселее, моряк!.. Веселее, моряк!.. Делай так!.. Делай так!.. И вот так!..

С последними словами он паркуется у тротуара.

– Всё, отец, ближе не могу – там стоянка запрещена.

– Ничего, ничего, дойду... Спасибо, братишка!

Пассажира с чувством пожимает водителю руку, выходит, но, сделав несколько шагов, спохватывается:

– Деньги-то я... Вот... Спасибо тебе большое!

Водитель, принимая плату, с улыбкой козыряет в ответ:

– Морской порядок в танковых частях! Будь здоров, отец!

А пассажир тем временем спешит к месту, где на набережной стоит на пьедестале старая подводная лодка. На ее рубке белым по серому надпись: С-56. Седовласый мужчина снова смотрит на часы, стрелки показывают 7.55. Циферблат наплывает, растет, и сквозь него, как сквозь время, мужчина снова видит бегущего матроса в том, 1941-м...

Матрос взбегаёт по трапу на такую же подводную лодку, но на ее рубке белым по зеленому написано: С-54. Он ныряет внутрь и в тесном отсеке сталкивается с товарищем – Сергеем Чаговцом. Тот встречает его насмешливо:

– Ну вот, а тут уже ордена раздавать стали! Я говорю: погодите, Стребькин вот-вот явится – как без него-то?!

– Является черт во сне! – запыхавшись, отзывается Стребькин. – В кои веки в увольнение собрался – так на тебе, тревога! Да не учебная, а боевая... Не знаешь, Серега, что за пожар?

– Кто ж его знает! Парторг Вашкевич велел собраться поближе к рубке – говорит, по радио важное сообщение будет.

Тем временем стрелки на циферблате показывают 8.00, и его слова прерывает сигнал подъема флага...

Мужчина (а это он, Анатолий Стребькин, только седой) опускает руку и замирает. Над пирсом разносится команда: «Равняйся! Смирно! Флаг, гюйс и флаги расцвечивания поднять!» Над С-56 взмывают андреевский флаг, красноезвездный гюйс, тянутся к мачте веселые флаги расцвечивания. Такие же флаги поднимаются в этот миг и на всех боевых кораблях, стоящих в бухте – у стенки и на рейде. «Вольно!» – раздаётся команда. Но перед глазами Стребькина снова лицо его боевого друга Сергея Чаговца, а в ушах вместо «вольно!» звучит совсем другое – «война!».

За два года до похода

Владивосток, октябрь 1940 года

К трапу, спущенному на берег с подводной лодки С-54, приближаются Анатолий Стребькин и Яков Лемперт. Они явно взволнованы предстоящей встречей со своим первым кораблем. Входя на трап, подчеркнуто молодцевато отдают честь флагу и по очереди обращаются к вахтенному офицеру – командиру группы движения Донату Негашеву:

– Товарищ лейтенант! Краснофлотец Стребькин для дальнейшего прохождения службы после окончания учебного отряда прибыл.

– Товарищ лейтенант! Краснофлотец Лемперт для дальнейшего прохождения службы после окончания учебного отряда прибыл!

Двадцатилетний лейтенант, сам еще недавно начавший здесь служить, отдает новичкам честь, но вдруг совершенно не по-уставному расплывается в улыбке:

– Поздравляю с прибытием! Пополнению всегда рады! – и, пожимая им руки, расспрашивает: – Добровольцы? Откуда сами?

Новички отвечают наперебой:

– Из Москвы!

– Дмитров, Московская область...

– Земляки, значит? Совсем хорошо! Впрочем... – принимая документы, продолжает улыбаться Негашев, – мы тут, считай, все земляки. Как у нас говорят – с Большой Земли... Так... Стребькин...

– Я! – вытягивается Анатолий.

– Трюмный машинист?

– Так точно!

– Да вольно, вольно... Трюмный – это отлично! Работёнки будет много. До службы с техникой имели дело?

– Работал на заводе. Слесарем.

– Совсем хорошо! – обрадованно заключает Негашев и, подойдя к рубке, командует: – Старшину трюмных наверх!

Глухо слышно, как в глубине лодки дублируется команда: «Старшина трюмных – к вахтенному офицеру!»

– А вы...

– Краснофлотец Лемперт!

– Понятно... Торпедист?

– Так точно!

– Ну, у вас всё впереди. Но и сейчас без дела сидеть не придётся.

– Никак нет!

– Что «никак нет»?

– Торпеда сама не полетит, ей цель нужно дать!

Негашев несколько удивлён:

– Эт-верно... Иосиф, говорите, вас зовут?

– Так точно. По паспорту – Иосиф. А так – Яша.

Тем временем на палубе появились трюмные машинисты Петр Грудин, командир отделения, и Сергей Чаговец. Поймав последние слова новичка, Чаговец беззлобно замечает:

– Яша – когда на столе щи да каша, а на службе...

– И то правда, – с улыбкой замечает Негашев. – Принимайте-ка пополнение, подводники! Грудин, проводите краснофлотца Лемперта к торпедистам. А Стребькин – ваш кадр, прошу любить и жаловать... Желаю успехов! – прощается он с новоприбывшими.

Но в этот момент на трапе появляется новое пополнение. Впереди – матрос внушительного роста, но с круглым, по-детски добрым лицом. За ним – совсем худенький и шуплый, о таких говорят «в чем только душа держится». А следом внешне неприметный, но навьюченный, кроме вещмешка, еще и большой картонной коробкой, крест-накрест перевязанной довольно толстой бечевой. Так по очереди они и предстают перед вахтенным офицером.

– Краснофлотец Фадеев... Николай... для прохождения службы... акустик... – не поставному смущаясь, докладывает круглолицый.

Чаговец, задержавшись на палубе, не удержался:

– Это же надо! Не лицо, а полнолуние какое-то...

Так и закрепится за Фадеевым это прозвище – «луна».

– Матрос Капинос! – стараясь выглядеть посolidнее, представляется худощавый.

– Ваша специальность? – интересуется Негашев.

– Кок! – так же бодро докладывает новичок.

– Кто-кто? – не поверил Негашев своим ушам – настолько не вяжется с этой профессией облик новичка.

– Корабельный кок! – с отчаянным достоинством отвечает Капинос, чем вызывает на палубе дружный смех.

– Отставить хохот! – командует вахтенный. – Желаю успешного прохождения службы! – козыряет он матросу: – Вот только... как у вас с аппетитом?

– Не жалуюсь, товарищ лейтенант.

– Ну-ну... Зовут-то как?

– Демьян Васильевич!

– Знатно! Будет нам теперь демьянова уха! – вполголоса замечает Негашев. И обращается к замыкающему: – А вы кто?

– Матрос Морозов, электрик. По совместительству назначен исполнять обязанности корабельного библиотекаря.

– Очень хорошо! А это что ж у вас – книги? – кивает вахтенный на картонную коробку.

– Никак нет. Патефон!

– Что-о? Вам известно, товарищ краснофлотец, на какой корабль вы прибыли служить?

– На подводную лодку, товарищ лейтенант.

– И по-вашему, если идти на дно – так с музыкой? Да в первый же шторм ваша музыка в черепки разлетится.

– Товарищ лейтенант, – просительно обращается к Негашеву Чаговец, – пожалуйста, разрешите патефон... Для настроения!

– Настроение я вам и без патефона обещаю! А впрочем... – говорит новичку Негашев, – доложите капитан-лейтенанту Братишко. Командиру виднее...

– Спасибо, товарищ лейтенант! – Морозов обрадованно подхватывает свой увесистый багаж, и все новоприбывшие спускаются внутрь лодки.

Сопровождая Анатолия, Чаговец басовито приговаривает:

– Курс молодого бойца проходил? Первым делом моряку что нужно?.. Не знаешь! Первым делом моряку нужны койка и матрац. Потому как матрос спит... А дальше? Не знаешь! ...Матрос спит, а служба – идёт!

– Я, между прочим, доброволец! – Анатолий, похоже, обиделся за Яшу, с которым они успели сдружиться в учебном отряде, и теперь ждет подвоха для себя.

– А я что говорю? – невозмутимо соглашается Чаговец. – Не выспишься – любая служба неволей покажется.

Из хозчасти он помогает Анатолию перенести в кубрик койку, матрац и прочее нехитрое имущество. А после ужина в кубрике идёт знакомство с новыми товарищами – Петр Грудин по очереди представляет новичкам матросов:

– Коля Семенчинский – считай, ваш земляк. Из Загорска. Он у нас радист – можно сказать, ловец человеческих душ. Этому его еще в Троице-Сергиевой лавре научили. Вы думаете, почему он такой смуглый? Потому что сидит целыми днями верхом на боевой рубке с антенной. Все думают, что рыбу ловит, а на самом деле – радиоволну.

– Брось травить! – отмахивается Николай под хохот товарищей.

– Идем дальше, – продолжает Грудин. – Рядом с ним – старшина Серега Колуканов. Как видишь, нехилый юноша...

Колуканов действительно производит внушительное впечатление хорошо развитыми бицепсами.

– ... Вообще-то он борец, хотя душа у него нежная – любит играть на баяне. Только хочу предупредить: не вздумайте просить этого волшебника эфира устроить концерт по заявкам. Он вам такую морзьянку выбьет – точку с запятой перепутаешь!..

Кубрик снова взрывается хохотом, в то время как Колуканов, не обращая внимания, скрещивает руки с другим великаном – Виктором Бурлаченко, собираясь померяться с ним силой.

– А это у нас Витя-моторист. Вообще-то он штангист, но дай ему волю, наша подводная лодка останется подводной навсегда: он штангу толкает таким весом, что, если взять ее на борт, лодка потонет и уже никогда не всплывет. Негашев Донат Иванович, наш командир БЭЧэ, – тот, что вас встречал, – просит его: ты, смотри, моторы свои нечаянно не толкни. Хорошо, что Серега всегда рядом – есть с кем размяться...

Под общий смех Грудин продолжает:

– Ну, Чаговец вам уже знаком. Он из Харькова...

Сергей Чаговец прерывает старшину:

– Петро, что мы всё о себе да о себе? Нескромно как-то... Надо бы и новичков прошупать – годятся к подводной службе или нет...

– И то правда, – соглашается Грудин, и все в кубрике скрещивают взоры на Стребькине и Лемперте, явно предвкушая продолжение забавы. Чаговец успокаивает их:

– Вы, братцы, не волнуйтесь. Отгадаете три загадки – значит, подводники, нет – придётся подучиться. Готовы? Тогда – загадка первая. Без окон, без дверей, полна горница людей – что это?

Яков немного растерян – уж больно простой вопрос. Но делать нечего, все ждут ответа. И он произносит:

– Огурец.

В ответ – дружный смех. Анатолий, хотя и чувствует подвох, отвечает уверенно:

– Тыква!

Реакция та же. Чаговец удовлетворённо резюмирует:

– Неуд, ребята! Это вам не букварь, а флотская наука! Не огурец тут и не тыква, а самая что ни на есть подводная лодка... Ну что ж, задаю вторую загадку: кто для матроса главней – адмирал, капитан или старшина?

Новички снова в смятении, пытаются угадать:

– Если по званию, то адмирал...

– Старшина, наверно...

Чаговец огорченно цокает языком:

– Опять двойка!.. Для матроса всех главней другой матрос! Ближе него нет рядом никого... Наконец, третья загадка: почему салага ходит?

«Почему, почему... – почти вслух думает Анатолий, – потому что... потому что... Да нет! – осеняет его. – не «почему», а «по чему!»»

Радуясь, что на этот раз не даст себя осмеять, отвечает:

– По морю!

– Допустим, – соглашается Чаговец под хохот присутствующих. – А ты, Лемперт, что скажешь?

– По палубе...

– Это палуба под ним ходит! А салага ходит ПО ЗЕМЛЕ! Потому что море – тоже часть нашей матушки-Земли, и палуба – продолжение земли, и вообще... салага потому и салага, что на корабль ему еще рано...

В этот момент в кубрик прибегает дневальный Василий Глушенко и, перебивая смех, мягким украинским говорком не то передал приказ, не то пригласил:

– Дз тут новэньки? Ходимтэ, будь ласка, до командыру!

Чаговец тут же отозвался:

– Вася, яка ж там ласка, если командир зовет?

Однако капитан-лейтенант Братишко встретил новичков приветливо. Каюта маленькая, как и другие помещения лодки, – моряки в ней едва поместились.

– Как устроились? Давайте знакомиться. Меня зовут Дмитрий Кондратьевич. Родом из Ростова – слышали про такой город на Дону?.. О вас я кое-что уже знаю. Думаю, служить будем дружно, так? Экипаж у нас хороший, ребята помогут. Сейчас надо постараться как можно скорее ввести лодку в строй. Она у нас – первая ласточка новой серии. Как говорится, головная. Первым всегда трудно, так что работы много. Но, пожалуй, еще важнее ввести в строй самих себя. Должен предупредить: будете уставать. И всё-таки надо находить время и силы учиться, изучать матчасть. Отрабатывать навыки до автоматизма. Помните – «тяжело в ученье – легко в бою»? А мы ведь люди военные. Как говорится, будь готов – всегда готов... И я на вас надеюсь. Вопросы есть?

– Никак нет! – четко, как учили, в один голос откликнулись новоприбывшие.

– Ну и ладненько! Будут вопросы, трудности – заходите... Мы теперь с вами не просто в одном строю – одной судьбой связаны. Помните об этом!

Иначались флотские будни. Еще недавно неразлучные, Анатолий и Яков теперь встречались только по вечерам – днем каждый был занят своим. Один пропадал у торпедных аппаратов, без конца шлифуя и смазывая пусковые механизмы, другой в сопровождении более опытных матросов до помутнения в глазах ползал по кораблю, зарисовывая в тетрадку каждый трубопровод и клапан. Вечерами, когда по лодке разносилась команда «По местам стоять! Начать тренировки по борьбе за живучесть!», Грудин и Чаговец завязывали Анатолию глаза, и старшина команды с секундомером в руке давал вводную:

– Перебита противопожарная магистраль в районе 35-го шпангоута! Товсь... Ноль!

Анатолий срывался с места и мчался к середине корпуса, по пути лихорадочно соображая, где и какие клапана нужно перекрыть, чтобы вода из перебитой трубы не затапливала лодку, но при этом во всех остальных отсеках на случай пожара в магистрали был необходимый напор. Едва он справлялся с первой вводной, тут же следовала новая:

– Пробоина в третьем отсеке по левому борту! Товсь... Ноль!

И надо было не только в считанные секунды оказаться в пострадавшем отсеке, но и спешно задраить переборки, в кромешной темноте отыскать в ледяной жиже увесистый пластырь – деревянный квадрат с кожаными валиками по бортам, чтобы заделать пробоину, а потом включить насосы и откачать из уже накренившейся лодки прорвавшуюся воду.

Сергей Чаговец повсюду сопровождал его, но вовсе не для того, чтобы подсказывать и помогать, – наоборот, он фиксировал каждый промах, каждое неверное движение Анатолия или попытку словно бы невзначай подвернуть повязку на глазах, чтобы сориентироваться в тесном пространстве. Сперва Стребыкин воспринимал это почти с обидой, но очень скоро понял: в море, где каждый из пятидесяти членов экипажа занят на своём посту, надеяться придется только на себя, чтобы не подвести команду.

После очередной тренировки Стребыкин и Чаговец выходят на верхнюю палубу и отправляются в корму, где разрешено курить, когда подлодка находится у стенки. Анатолий достаёт махорку и устало садится на палубу, спуская ноги за борт. Чаговец реагирует немедленно:

– Ты что, дома на завалинке!

– А что? – недоуменно поднимается Анатолий.

– А то, что есть такие слова – «морская культура». В учебке вас этому не учили?

– Да как...

– Тому, например, – перебивает его Чаговец, – что нельзя плевать на палубу, бросать бычки за борт, нельзя вот и ногами сучить по краске... Ты запоминай, пока я жив!

Анатолий, сознавая правоту старшего товарища, переводит разговор в шутку:

– Ты нам и нужен живым!

Оба примирительно смеются.

В этот момент на палубу поднимаются два офицера в комбинезонах – Братишко и еще один, Анатолию пока незнакомый.

– Это кто? – негромко спрашивает он у Чаговца.

– Сушкин, командир С-55 – она там, подальше, у пирса стоит. Они с нашим друзья – чуть не братья. Вот кто корабль знает – от киля до головки перископа! Сушкин уже целым дивизионом подлодок командовал, а когда наши «эски» пришли, попросился на одну из них командиром. Представляешь? Говорят, в штабе флота не соглашались – так он до наркома дошел, до самого Кузнецова, а своего добился! Мощный мужик...

Офицеры тем временем подходят ближе, и Чаговец, как старший, командует:

– Смирно!

– Вольно, вольно... – Братишко тоже закуривает и кивает на спутника: – Загонял совсем по кораблю, никаких поблажек не дает... А ещё друг называется!

– А вы, – обращается Сушкин к матросам, – тоже корабль изучаете?

– Так точно, товарищ капитан-лейтенант, – отвечает Чаговец. – Краснофлотец Стребыкин всего две недели на лодке, но успехи делает быстро.

Сушкин, обращаясь к Анатолию:

– Правда? А скажите, какова длина вашей лодки?

– Семьдесят семь метров!

– Вы уверены?

– Так точно!

– Не совсем точно. На самом деле – 77 целых и 75 сотых метра.

– По красной ватерлинии...

– Вот теперь верно! А ширина? – обращается Сушкин к Чаговцу.

С этого момента матросы отвечают по очереди.

– Шесть целых и четыре десятых метра.

– Хорошо. Скорость?

– Надводная – до 19 с половиной узлов, подводная – восемь... почти девять...

– Что значит «почти»? В этом «почти» – цена жизни. Глубина погружения?

– Восемьдесят метров.

– А глубже можно?

Моряки недоуменно переглядываются. И Сушкин отвечает сам:

– Восемьдесят – это рабочая глубина. Максимальная – сто. Но сдуру можно, конечно, и ниже – на самое дно сесть... Ладно, пойдем дальше: автономность плавания?

– Тридцать суток без захода в порт.

– Сколько на лодке отсеков?

– Всего семь. Первый и седьмой – торпедные, там же находятся кубрики рядового состава, второй – аккумуляторный, там же – каюты командира и офицеров, в третьем отсеке – центральный пост, над ним боевая рубка, четвертый отсек – аккумуляторный, пятый – дизельный, шестой – электромоторный.

– Ну, брат, отрапортовал как отстрелялся! – удовлетворенно рассмеялся Сушкин. – Орлы они у тебя, Дмитрий Кондратьевич.

– Не орлы, Лев Михайлович, – альбатросы!

– Пожалуй... Словом, молодцы!

– Служим Советскому Союзу! – грянули оба. После чего Чаговец обращается к Братишко:

– Товарищ капитан-лейтенант, разрешите вопрос.

– Слушаю.

– Когда нам ленточки выдадут?

Офицеры дружно рассмеялись. Братишко разводит руками:

– Ну что ты с ними поделаешь? Считай, самый главный вопрос! Каждый день задают...

А что, без ленточек никак? Девчата не признают?

– Да нет... Просто... без них не бескозырки – сковородки какие-то...

– Скоро, скоро, – серьезнеет Братишко. – Как только флаг на корабле поднимем и войдет наша «эска» в боевой строй – тогда и появится на вашей бескозырке ленточка «Тихоокеанский флот».

– А как скоро?

– Вот уж это, товарищ краснофлотец, военная тайна!

Долгожданный день наступил действительно скоро. Выдался он морозным и солнечным. У причала собралась праздничная толпа – здесь и рабочие завода, и женщины с детьми. Вдоль пирса – транспаранты «С новым 1941 годом!» А на С-54 застыл в строю экипаж: офицеры, старшины, краснофлотцы. На бескозырках уже красуются ленточки – те самые, с якорями и надписью золотом «Тихоокеанский флот». Командир корабля Братишко обращается к присутствующим с речью:

– Товарищи! Сегодня, 1 января 1941 года, наша лодка вступает в строй действующих. С этого дня не только начинается ее биография – он станет знаменательной страницей в биографии каждого из нас. Спасибо всем, кто строил корабль, кто подарил ему жизнь: конструкторам, инженерам и рабочим. От имени всей команды позвольте заверить, что мы будем с честью нести боевой флаг корабля и в любых испытаниях будем достойны звания советских моряков-тихоокеанцев, Мы клянемся, что экипаж подлодки готов выполнить любое задание любимой Родины, нашей большевистской партии, дорогого товарища Сталина! Ура!

Моряки отвечают троекратным «ура», которое подхватывают все собравшиеся на пирсе. Братишко командует:

– К подъему государственного флага Союза Советских Социалистических Республик равняйся! На флаг – смирно! Флаг поднять!

И под звуки государственного гимна «Интернационала» по флагштоку лодки медленно поднимается алое полотнище.

Звучит новая команда: «По местам стоять! Со швартовов сниматься!». Экипаж мгновенно спускается в отсеки, разбегается по своим постам, и присутствующие на пирсе видят,

как лодка медленно отходит от причала, а потом вслед за ледоколом, который взрывает перед собой искрящийся лед, выходит из бухты Золотой Рог.

За пять месяцев до похода

Залив Петра Великого, май 1942 года

Раннее весеннее утро. Солнце уже над горизонтом и, будто умытое водами залива, щедро обдает золотыми волнами окрестные сопки и уходящую к горизонту морскую гладь. Только парит в небе пограничный самолет, и, если взглянуть оттуда, видно, что в заливе стоят на якорях шесть-семь подводных лодок. Ничто в этом солнечном мире не напоминает о том, что где-то идет война.

Вся команда С-54, свободная от вахты, – на верхней палубе: идет физзарядка.

– Следующее упражнение – разрыв военно-морской груди, – командует мичман Лосев, – Исходное положение – руки перед собой, ноги на ширине плеч. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Краснофлотец Жигалов, команда какая была? «Разрыв военно-морской груди». А вы будто лягушек отгоняете!.. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Краснофлотец Мясников, вас это тоже касается!

– Он у нас ярославский, из Сусанинского района, товарищ мичман. Думает, как фашистов в свои леса заманить! – под смех товарищей сообщает Николай Семенчинский.

– Отставить разговоры! На месте бегом... марш!.. Разойдись!

После завтрака экипаж собирается во втором отсеке на политинформацию. Последним входит радист Николай Семенчинский, он командует «смирно!», и матросы встают, встречая старшего политрука Шаповалова.

– Вольно, садитесь... Судя по последней сводке Совинформбюро, положение на фронтах тяжелое (читает):

– «В течение ночи на Харьковском направлении наши войска вели наступательные бои... Наши части... на отдельных участках уничтожили 1.650 немецких солдат и офицеров... 27 танков, склад боеприпасов и склад горючего, пехотным оружием сбито 3 немецких самолёта. Наши бойцы захватили у противника 37 орудий, 57 миномётов, 19 пулемётов, 340 винтовок, 10.000 снарядов, 40.000 патронов, 60 километров кабеля, 5 вагонов колючей проволоки, 3 радиостанции и другое военное имущество. Взяты пленные... На Изюм-Барвенковском направлении наши войска отбили несколько атак немецко-фашистских войск... На Керченском полуострове продолжались бои в восточной части полуострова... В Баренцевом море советский корабль потопил три транспорта противника общим водоизмещением в 26.000 тонн...»

– Живут же люди! Воюют! – не выдерживает командир отделения электриков Виктор Нищенко. – Товарищ старший политрук, долго мы будем тут заклёпки драить?

– А вам, я смотрю, еще рановато воевать.

– Это почему?

– А потому, – неожиданно сурово говорит Шаповалов, – что корабль в море может быть могучей крепостью, а может – просто мишенью, беспомощной и бесполезной!

– Там люди гибнут, а мы... Вояки, называется!

– Во-первых, не вояки, а военные моряки, – осаживает его Шаповалов. – Постарайтесь понять эту разницу. Во-вторых, мы не заклёпки драим, а охраняем восточные рубежи Родины. Вы вспомните последние учения. Какую оценку мы получили за торпедные стрельбы?

– Четверку.

– И что это значит?

– Неплохо...

– Плохо! Смертельно плохо! Потому что каждый наш промах – шанс для врага. Пробоина в нашем борту! А потому мы должны, как вы выражаетесь, свои заклепки драить, и драить, и драить – днем и ночью, у пирса и на рейде, в одиночном плаванье и в составе соединения, на воде и под водой. . .

– Я ж с Одессы, товарищ старший политрук! У меня там мать, невеста. . . Почти год писем не было!.. К нам на лодку почтальон вообще дорогу забыл. . .

– Кончай ныть! – в сердцах бросает ему Казимир Вашкевич. Он парторг и уже поэтому должен поддержать Шаповалова, но есть у него и личный резон: – Я вообще из-под Каменец-Подольска, там уже год как фашисты окопались – и что прикажешь, бежать туда с винтовой наперевес?

– Сам говорил, сестра в Кузбассе, в эвакуации!

– Что за разговоры, Нищенко?.. – Шаповалов одергивает матроса, но тут же меняет тон: – Я понимаю, ребята, – трудно! Но разве только нам трудно? – продолжает читать сводку Совинформбюро: – «Отступая под ударами наших частей из села Зайцево Орловской области, немецко-фашистские мерзавцы сожгли и разрушили 600 домов колхозников. Гитлеровцы засыпали колодцы и вырубали сады. На улицах села красноармейцы обнаружили десятки трупов истерзанных немецкими бандитами мирных жителей – стариков, женщин и детей. На окраине найдено восемь трупов замученных пленных красноармейцев. У них отрезаны уши, носы, выколоты глаза, вывернуты руки и ноги. Часть жителей села Зайцево гитлеровцы под угрозой расстрела увели с собой».

– Вот гады! – сжимает кулаки Сергей Жигалов. – Это ж у нас на Орловщине, в моих местах!

Разговор прерывается сигналом боевой тревоги. По кораблю разносится команда:

– Корабль к бою и походу приготовить!

Матросы стремглав разбегаются по боевым постам, сноровисто задраивают отсеки, расчехляют механизмы.

Чаговец и Стребькин, как всегда, на посту вместе. Анатолий с надеждой спрашивает:

– Неужто в море выйдем?

– Смотри, не сглазь!

Но спустя некоторое время, когда на центральный пост один за другим поступили доклады о готовности, догадка подтвердилась. Братишко отдает приказ:

– По местам стоять! С якоря сниматься!

Механик корабля старший лейтенант Варламов собрал трюмных машинистов в центральный пост. Небольшого роста, похожий на подростка, то и дело привставая на носки, он говорит:

– Боевой опыт показал, что при разрывах глубинных бомб первым делом выходит из строя освещение. Вот почему мы так часто учимся действовать в полной темноте. Даю вводную: лодка получила большой дифферент на нос. Стребькин, дать пузырь в носовую группу цистерн главного балласта!

Анатолий, успев завязать глаза, ощупью старается отыскать колонку аварийного продувания цистерн и найти нужный клапан. Вот он, первый слева!

– Даю пузырь! – докладывает он и открывает большой маховик.

– Грудин, снять давление с носовой группы в отсек! Чаговец, дать воздух высокого давления на колонку продувания!

Едва только, сталкиваясь от качки, матросы справляются с задачей, по кораблю раздается новая команда:

– Срочное погружение!

И в считанные секунды лодка уходит на перископную глубину.

– Приступить к зачётным торпедным стрельбам!

Анатолий оказывается рядом с Яковом Лемпертом.

– Теперь не подведи, – говорит ему Яков и ласково гладит корпус торпедного аппарата. – Моим малышам от тебя одно требуется – воздух высокого давления. А уж они не промахнутся...

– Акустик, доложите цель! – это голос командира.

Николай Фадеев докладывает:

– Транспорт! Слева по курсу – 15 градусов!

– Носовые аппараты... товсь... Пли!

В торпедных аппаратах громко зашипело, и лодка вздрогнула, посылая смертоносный груз к цели.

– Срочное погружение на тридцать метров!.. Штурман, засечь место атаки!

– А это зачем? – тихо спрашивает Анатолий у Лемперта.

– Чтоб торпеды не потерять. Они, считай, на вес золота: не дай бог, утонут – ищи потом по всему заливу!

– Транспорт условно потоплен! – слышен голос командира. – Поздравляю команду с успехом.

– Условный транспорт в условном месте условно потоплен! – язвительно дублирует Нищенко.

По кораблю разносится сигнал отбоя тревоги, и матросы возвращаются в кубрики.

– Знаешь, Казимир, – обращается Нищенко к Вашкевичу, – ты хоть и парторг, но не будь святей папы римского!

– Это как?

– А так! Политрук только рот открыл, а ты сразу сю-сю-сю...

– Дурак ты, Витюша, – беззлобно, но с обидой говорит Вашкевич. – Выходит, если я с ним согласен – мне молчать, лишь бы ты чего не подумал? Да если хочешь знать, нытик на корабле хуже шпиона. Диверсант!

– Я – диверсант?!

– Будешь ныть – станешь.

– Ладно вам! – урезонивает обоих Чаговец. – Правду говорят: два электрика сойдутся – считай, короткое замыкание... Дайте покемарить – мне через полчаса на вахту.

В кубрике наступает тишина, слышно только мерное гудение дизельных двигателей.

Внезапно покой корабля снова взрывает боевая тревога. Матросы слетают с коек.

– Вот и концерт по заявкам! – бросает Стребыкин.

В центральном посту Братишко смотрит в перископ и командует:

– Оба дизеля, стоп! Самый малый назад!.. Сигнальщик, доложите обстановку!

Василий Глушенко рапортует:

– Впереди справа по борту – мина! Кажись, одна...

– Отставить «кажись»!

– Одна, товарищ капитан-лейтенант!

– Откуда бы ей тут взяться? В наших внутренних водах... – произносит рядом с Братишко командир БЧ-2 старший лейтенант Сергеев.

– И тем не менее, Василий Константинович... Как говаривал, кажется, ваш любимый киногерой – грубо, но факт! – Братишко навел перископ в нужную точку и уступил Сергееву свое место. – Смотрите сами.

Сергеев принакает к окуляру и видит прыгающий на волнах черный рогатый шар мины.

– Носовые аппараты, товсь! – командует Братишко.

Усатый наводчик Иван Горбенко и установщик цели Павел Листков готовятся к выстрелу.

– Пли!

Видно, как в море ныряет одна торпеда, другая, третья... В море зловеще тихо, мина невинно купается в волнах. Наконец после очередного, пятого выстрела раздается взрыв, и над водой вскипает черное, но уже безопасное облако дыма. Оно постепенно оседает, и вместе с ним оседает напряжение на постах.

– Отбой боевой тревоги!

Яков Лемперт встречает Горбенко объятиями:

– Всё, братишка, в твою честь тоже отпускаю усы. До победы!

– Ну, теперь Гитлеру полный капут, – замечает Чаговец. – Его усики против наших – один сорняк!

Пока лодка ложится на обратный курс, по отсекам разносится:

– Бачковым – на камбуз! Команде обедать!

– Вот это жизнь! – радостно констатирует Виктор Бурлаченко и, прихватив бачок, отправляется на камбуз. Вскоре он возвращается, но не один – вместе с ним, держа в обеих руках литровую банку компота, шествует щуплый кок Демьян Капинос:

– Горбенко, Листков! От лица службы... и от моего лица...можно сказать, объявляю благодарность!

В кубрике раздается дружное «ура!». Нищенко поднимает Капиноса вместе с банкой:

– Визьмэш в руки – маеш вэщ!

Кубрик радостно хохочет. Горбенко щедро делится с товарищами «наградным» компотом, но первому наливает Васе Глушенко:

– Вот кому спасибо надо сказать. Проглядел бы он мину – глотать нам всем забортную воду.

А Вашкевич, чокаясь компотом с Нищенко, покровительственно обнимает его:

– Теперь понял, в чем наше самое грозное оружие?

– Да ладно тебе... – отмахивается тот.

Вечером на плавбазе тихо. Огней вокруг почти не видно: хоть и далеко война, но, кажется, сам воздух напоен тревогой. Краснофлотцы собрались на палубе на перекур. Николай Фадеев – с неразлучной гитарой. И после тихих переборов сама собой начинается песня из недавно увиденного кинофильма – ее заводят тенор Петра Грудина и бас Сергея Чаговца.

**Ты ждешь, Лизавета, от друга привета
И не спишь до рассвета, всё грустишь обо мне.
Одержим победу – к тебе я приеду
На горячем боевом коне...
Приеду весною, ворота открою.
Ты со мной, я с тобою неразлучны вовек.
В тоске и тревоге не стой на пороге —
Я вернусь, когда растает снег...**

В какой-то момент Стребькин не выдерживает, прерывает тягучий мотив:

– Да что там «в тоске и тревоге»! Давайте другую!

И заводит хорошо знакомую, которую тут же подхватывают все:

**Мы все добудем, пойдем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой.
Когда страна быть прикажет герою,
У нас героем становится любой.**

А Чаговец с Грудиным – один баском, другой тенорком – заводят весёлые сельские припевки:

**Топится, топится в огороде баня.
Женится, женится, мой милёнок Ваня.
Не топись, не топись, в огороде баня!
Не женись, не женись, мой милёнок Ваня!**

За два месяца до похода

Москва, Кремль, 5 августа 1942 года

Сталин в своем кремлевском кабинете читает почту. На одной из телеграмм задерживается особо. Потом нажимает кнопку и, услышав ответ ординарца, говорит:

– Вызовите Наркомфлота Кузнецова.

Потом встает из-за стола, закуривает, сосредоточенно обдумывая что-то. В дверях появляется заместитель председателя Государственного Комитета Обороны Молотов.

– Входи, Вячеслав Михайлович... Вот, почитай.

Молотов читает телеграмму, поднимает глаза.

– Как по-твоему, насколько можно этому доверять? – спрашивает Сталин, хотя, похоже, и не ждёт ответа.

– Берия говорит, наши разведчики сообщают то же самое.

– Разведчики... Хотелось бы верить!.. А вот Рузвельту уж точно ни к чему вводить нас в заблуждение. Не так ли?

– Думаю, вы правы.

Постучав, входит нарком ВМФ Кузнецов.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Здравствуй, товарищ Кузнецов. Тут нам от господина Рузвельта интересная телеграмма поступила... Читайте вслух, пожалуйста!

Кузнецов читает:

– *«До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года. Будьте любезны передать эту информацию Вашему гостю»*... Простите, гость – это Черчилль?

Молотов замечает:

– Конечно, Николай Герасимович.

Сталин подходит к Кузнецову и, глядя ему в глаза, произносит:

– Как вы считаете, товарищ Кузнецов, можем мы использовать эту информацию для усиления наших позиций здесь, на советско-германском фронте?

– Безусловно, Иосиф Виссарионович! Сейчас английские конвои подвергаются особенно яростным атакам противника. А у нас...

– Сколько на Севере наших кораблей?

– К началу войны на Тихоокеанском театре у нас было 85 подводных лодок, в то время как на Северном – только 15. Правда, еще в сентябре 41-го мы перевели восемь подводных лодок Беломорским каналом в Архангельск и Полярное из Ленинграда. Позже, в апреле-мае 42-го года, три подлодки поднялись из Баку и Камышина вверх по Волге. В июле-октябре с Тихого океана Северным морским путем прошли лидер «Баку», а также эскадренные миноносцы «Разумный» и «Разъяренный».

– Мало... Мало!

– Так точно, мало, товарищ Сталин.

– А можно, в связи с телеграммой президента США, ещё раз пополнить Северный флот за счет Тихоокеанского?

– Некоторые командиры кораблей выступали с такой инициативой.

– Вот и продумайте эту возможность.

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

– Рискованная операция, – замечает Молотов. – По Северу уже не пройдёшь – льды не дадут.

– Война, как ты знаешь, вообще мероприятие рискованное... Товарищ Кузнецов, сколько человек в экипаже подводной лодки?

– В среднем около пятидесяти.

– Хорошая команда! Я думаю, несколько таких лодок могли бы успешно действовать в северных морях. А наша задача – позаботиться об их безопасности на время перехода.

Сталин возвращается к своему столу и завершает разговор:

– Как говорил классик советской литературы Максим Горький, в жизни всегда есть место подвигу. А классикам верить можно!

За 25 дней до похода

Владивосток, штаб Тихоокеанского флота, 10 сентября 1942 года

В кабинет командира 1-й бригады подводных лодок капитана 2 ранга Родионова входит дежурный офицер:

– По вашему приказанию прибыли командиры подводных лодок.

– Прощу! – Анатолий Иванович направляется навстречу входящим и здоровается с каждым за руку. – Прощу, товарищи. Здравия желаю, товарищ капитан 1 ранга! Здравствуйте, Григорий Иванович!

– Лев Михайлович, приветствую! Здравствуйте, Дмитрий Кондратьевич!

– Проходите, Иван Фомич!.. Прощу садиться...

Командиры переглянулись. Еще в приемной, встретившись, они поняли, что неспроста званы все вместе. И теперь уже тон комбрига, отечески-ласковый, но и напряженно-торжественный, подтверждал это ощущение. Родионов заговорил:

– Товарищи офицеры, положение на фронтах вам известно. После разгрома под Москвой немцы значительно активизировались на Севере. Их надводные корабли и особенно подводные лодки создают серьезные препятствия нашим союзникам, которые через Мурманск стремятся оказывать нам военную и материальную помощь. Силы далеко не равны...

Родионов помолчал, взглядываясь в лица командиров, словно пытался понять, догадались ли они, о чем пойдет речь дальше. И продолжал:

– Командование, конечно, принимало необходимые меры. Кроме того, на заводах страны строятся новые корабли – рабочие и инженеры трудятся днем и ночью. Но обстановка не терпит промедления. Поэтому...

Родионов увидел, как напряглись лица и засветились глаза его боевых товарищей – теперь они ждали только подтверждения своей догадке.

– ...Поэтому Государственный Комитет обороны принял решение... Мне поручено довести до вас приказ Наркомфлота адмирала Кузнецова. Вот он: «Подводным лодкам С-51, С-54, С-55 и С-56... произвести скрытный переход из своих баз в Полярное... с готовностью выхода к 5 октября 1942 года».

– Я же давно... – чуть не срывается с места Щедрин, но оседает под взглядом комбрига. – Простите!

– Я помню, Григорий Иванович. Действительно, в одном из ваших рапортов с просьбой отправить вас на фронт была эта идея. Выходит, час пробил. Прощу всех к карте... Южный путь невозможен: японцы, итальянцы, немцы нас не пропустят... Ледовитый океан уже закрыт льдами. Остается маршрут, который и определен приказом наркома: Владивосток – Петропавловск-Камчатский, оттуда к Алеутским островам, на американскую базу Датч-Харбор. Потом – Сан-Франциско, через Панамский канал в Гуантанамо – американскую базу на Кубе, далее – Галифакс (Канада), Рейкьявик (Исландия), Розайт (Англия) и, наконец, Полярное.

Помолчали, вернулись на свои места. Родионов тоже сел и, с пониманием взглянув на товарищей, достал портсигар.

– Можно курить... Я продолжаю. В оставшиеся дни на кораблях надлежит провести все подготовительные работы, принять на борт полный запас вооружения, продовольствия, топлива и воды. Пополнение запасов и необходимый ремонт будет обеспечен в американских и английских базах, которые я назвал, – переговоры об этом с союзниками ведут наши наркоматы иностранных дел, внешней торговли и ВМФ. Службам тыла, связи, санитарному, финансовому и другим управлениям флота соответствующие задачи будут поставлены. Старшим группы на

всё время перехода назначен человек, которого вы хорошо знаете, – Герой Советского Союза, капитан 1 ранга Трипольский.

– Есть! – встал Трипольский.

– Сидите, пожалуйста, Александр Владимирович... По кораблям будут распределены дивизионные специалисты – штурман, механик, минер и связист, которые в период подготовки к походу должны будут сдать лично Трипольскому экзамен на допуск к управлению подводной лодкой и в пути будут выполнять обязанности вахтенных офицеров... На участке до Петропавловска командование походом поручено осуществлять Военсовету Тихоокеанского флота, от Камчатки до Исландии лодки переходят в непосредственное подчинение наркому адмиралу Кузнецову, на участке от Исландии до Полярного группой будет руководить Военный совет Северного флота. Повторяю: вся операция должна быть осуществлена скрытно, с максимальной степенью секретности. Вопросы?

– Разрешите, товарищ капитан 2 ранга, – встал Братишко. – Думаю, вряд ли то количество запасов, которое предстоит принять, останется незамеченным на берегу...

– Да уж, народ у нас догадливый – знает, что подлодки не для прогулок предназначены. Но главный секрет – цель похода. Поэтому перед личным составом задача должна быть поставлена только за пределами наших границ, после выхода из Петропавловска. Еще вопросы?

Поднялся Сушкин:

– Как в связи с этим будет осуществляться связь кораблей между собой и со штабом?

– Вопрос по существу. Согласно указаниям Управления связи ВМФ, подводным лодкам работать на передачу запрещается – за исключением радиogramм о месте нахождения (и то лишь по запросу начальника Главного морского штаба), ответов на шифrogramмы, ну и, боже упаси, аварийных случаев. Вопрос эскортирования наших подлодок кораблями союзников тоже не планируется. Но в случае, если наши лодки волей обстоятельств окажутся в составе американских или английских конвоев, работать на передачу также запрещено.

С озабоченным лицом встал Кучеренко.

– Есть серьезное обстоятельство – дизеля...

– Знаю, что вы имеете в виду, Иван Фомич. На трех лодках из четырех сильно изношены аккумуляторные батареи. Это значит, что при подводном плавании возможно повышение температуры электролита и, как следствие, взрыв водорода. Проблема серьезная. Запаса батарей на флоте нет, а заводы, эвакуированные в тыл, продукции в должном количестве пока не дают. Выход один: переход придется совершать, как правило, в надводном положении, погружаясь только в случае явной опасности. Применять оружие разрешается лишь при нападении противника и невозможности уклониться маневром. Надеюсь, это более чем понятно...

Родионов встал, давая понять, что считает разговор оконченным.

– Товарищи офицеры, прошу отправляться на корабли и начать подготовку к походу. Александр Владимирович, вы задержитесь... Уверен, что задание Родины выполним с честью. Тем более, что операция проходит под непосредственным контролем Верховного Главнокомандующего.

На выходе из штаба командиры остановились и взглянули друг на друга. Напряжение недавних минут уже сменилось почти мальчишеской радостью: наконец-то настоящее дело, наконец-то фронт, наконец они тоже смогут бить врага!

Кучеренко сграбастал плечи всех троих в охапку и, чуть не приплясывая, запел свою любимую, украинскую:

**Ой, у гаю при Дунаю
Соловей щебече,
То вин свою всю пташину
До гниздечка клыче.**

**Ой, тьох, вить-тьох-тьох-тьох,
Соловей щебече...**

Первая неделя похода. Владивосток, залив Петра Великого.

5 октября 1942 года

Вечером море, словно уставшее после бурного дня, кажется черным зеркалом, и краски темнеющего неба отражаются в нем всеми ежеминутными превращениями. По темной глади один за другим скользят два узких силуэта – С-55 и С-54. Во второй лодке по направлению к корме пробирается краснофлотец. Проходя мимо пятого отсека, где находится камбуз, он спрашивает Демьяна Капиноса:

– Кормилец, скажи на милость, далеко еще до козлино-дробильного отсека?

Кок, весь в поту, с видимым удовольствием отрывается от мытья котлов, освобожденных от остатков ужина.

– А-а, новенький... Как зовут?

– Юрий. Нуждин.

– Ты, говорят, на эсминце служил?

– Ну, раз говорят... Зря не скажут...

– Знаешь, у нас тут заблудиться – раз плюнуть. Главное – дуй в корму и никуда не сворачивай.

Новенький оценил шутку:

– Спасибо, друг. А то без компаса, сам понимаешь...

В кормовом отсеке слышно, как свободные от вахты матросы забивают «козла». За столом сражаются Николай Рощин и Николай Семенчинский против Анатолия Стребькина и Петра Грудина. Рощин только что отдубил и победительно смотрит на соперников:

– Еще напор – и враг бежит!

– Толя, не поддавайся «николаевскому» режиму! – призвал Грудин.

– Вперед, на баррикады!

Сергей Чаговец, который верховодит в рядах болельщиков, встречает входящего Нуждина командой «смирно!», и тот, успокоив привставших было моряков: «Сидите, сидите...», примостился на рундуке рядом. В наступившем молчании слышно, как Семенчинский в ожидании хода привычно отбивает по столу «морзянку».

– Товарищ нервничает! – замечает вслух Нуждин.

– Нет, братишка, это он тренируется. Повышает, так сказать, свою профессиональную подготовку.

В кубрике понимающе засмеялись, а Семенчинский явно смущен:

– Кончай травить...

Чаговец, однако, вполне серьезен и обращается к новичку:

– Вот вы, товарищ, владеете азбукой Морзе?

– Ну... так...

– Вот! А ведь от этого в критической обстановке может зависеть ваша жизнь! И вчерашний поступок радиста-краснофлотца Семенчинского не только подтверждает это, но и служит примером всему личному составу флота.

– Ладно тебе... – по-девичьи краснеет Николай.

– Скромность краснофлотца, как видите, красит его, но не может умалить значение его мужества и находчивости в трудную минуту... Это произошло ранним утром, когда японские стервятники, как правило, совершают облеты нашего неба и порой нагло вторгаются в воздушное пространство Родины. В такие минуты подводным лодкам приходится совершать срочные погружения, скрываясь из-под зорких глаз возможного противника...

Присутствующие, включая самого Семенчинского, смеются, предвкушая развитие событий. Нуждин заинтригованно слушает.

– ... И вот вчера... еще не рассвело, когда краснофлотец Семенчинский вышел по нужде на верхнюю палубу. Полюбовавшись зарей, он проследовал в надводный галюн, где то ли увлекся процессом, то ли задремал. Скорее всего, досматривал, как в далеком Загорске любимая жена Ксюша раскрывает ему навстречу свои жаркие объятия. Естественно, в таком состоянии он не услышал сигнала срочного погружения. Каково же было его удивление, когда он почувствовал, что вместо объятий жена Ксюша хлестнула его по пяткам крапивой...

Перекрывая хохот в отсеке, Чаговец переходит к развязке:

– Очнувшись, Семенчинский обнаружил, что в ногах у него плещется ледяная забортная вода. Спросонок ничего не соображая, он, как был, выскочил из галюна и понял, что лодка под ним тонет. Еще минута – он окажется на поверхности один. Вот тут и спасла моряка смекалка и профессиональная выучка. Он ухватился за тумбу перископа и всем телом стал отчаянно сигнализировать азбукой Морзе: «Человек за бортом! Человек за бортом!». В боевой рубке чуть не началась паника – может, это новые происки вражеских лазутчиков? Хорошо, что на вахте был опытный офицер – командир штурманской БЧ, лейтенант Тихонов. Он дал команду остановить погружение и на всякий случай приготовил личное оружие...

Семенчинский, смущенно улыбаясь, закончил игру:

– Рыба!

– Ну, рыба не рыба, – подытожил рассказчик, – а благодарности от начальства наш герой пока не дождался. Хотя пример его профессиональной подготовки, как вы поняли, заслуживает всяческого подражания... Команде – перекур!

Выйдя с разрешения вахтенного офицера на верхнюю палубу, моряки, однако, не спешили затянуться махоркой – все с удовольствием вдыхали свежий морской воздух. В небе висела полная луна, утопая в большом молочном круге.

– Это гало, – заметил Иван Горбенко. – У нас в Одессе говорят: вечером – гало, с утра – сильный ветер.

– А у нас в Богодухове, – откликнулся Сергей Жигалов, – говорят: жди у моря погоды.

– Как там у них сейчас – в Одессе, в Богодухове, у меня под Сталинградом?! – вздохнул комендор-зенитчик Иван Грушин.

– Может, дадут всё же нам повоевать? – включился в разговор Стребькин. – Интересно, куда и зачем мы идем?

– Что-то важное затевается, – предположил Яков Лемперт.

– Да брось ты! – машет рукой круглолицый Николай Фадеев и с досадой добавляет: – Обычный выход: в белый свет пульнём, да и вернёмся...

– Нет уж, Колюня! Тебя что, каждый день провожает такая свита, как сегодня: и командующий флотом адмирал Юмашев, и начштаба контр-адмирал Богденко, и третий... не знаю, кто это...

– Член Военсовета корпусной комиссар Захаров... – подсказал Юра Нуждин.

– Вот! Да еще по отсекам прошли, чуть не за ручку с каждым попрощались... Уж больно торжественно.

– Я слышал, на каждый экипаж командиры получили по семь тысяч американских долларов! – объявил Казимир Вашкевич.

– Не заливай! – проворчал в ответ мичман Петр Галкин, известный в экипаже своей рассудительностью. – Мы ж не туристы – нам шмотки покупать ни к чему...

– Юра, а ты случаем не в курсе? – обратился Чаговец к новичку.

– Откуда? – пожал плечами Нуждин.

– Ну, а зачем бы тебя прямо перед походом переводить к нам на лодку? Электриков у нас хватает, но ты, говорят, английский знаешь...

– Хотите – и вас научу. Пойдем второй фронт открывать.

– Да мы с фрицами лучше по-нашему, по-славянски!.. – понюхал собственный кулак Виктор Бурлаченко.

– А я, братцы, после войны с удовольствием бы подучил языки! – мечтательно проговорил подошедший Капинос. – Поездил бы по свету...

– ...Поел бы заморской жратвы, – подхватил моторист Федя Капелькин, такой же приземистый и даже шуплый на вид.

– Да ты и так двухпудовыми гирями играешь! Куда только всё уходит? Всех иностранцев своим аппетитом распугаешь.

Из палубного люка высунулась чья-то голова:

– Кончай баланду! Была команда «Очередной смене приготовиться на вахту!»

Вотсеках при синем свете аварийных ламп спят в койках матросы. В ночной тишине слышен лишь мерный рокот дизелей. Не спится только Юре Нуждину: он то и дело ворочается, переворачивает под головой подушку. Это замечает вошедший в отсек дежурный по кораблю командир группы движения Донат Негашев.

– Непривычно на новом месте? – негромко спрашивает он.

– Тесновато здесь. И душно. Не то, что у нас на эсминце...

– Это правда. Но человек ко всему привыкает. А вот с теснотой утром поборемся... – Негашев оглядывает лежащие вдоль переборки ящики, бочки, коробки, тюки, – грузили в спешке, не успели как следует разобраться... Случись что – к помпам и кингстомам не подступись. Так что, работы будет много – спите!

Негашев возвращается в центральный пост, где его встречает командир корабля.

– Порядок?

– Не совсем. Груз по-штормовому не закреплен, так что с выходом в Японское море могут быть проблемы.

– Гм... Море шуток не любит.

Братишко поднялся в рубку, обвел взглядом горизонт. Предраассветное небо затягивало мрачными облаками, по воде шли барашки волн.

– Похоже, скоро заштормит. Надо играть аврал.

– Жаль ребят – хоть бы ещё часок поспали...

– Знаешь, Донат Иванович, мой первый командир любил повторять: лучше не шадить живых, чем оплакивать мёртвых. Кстати, вон и самолётик в небе. Самый момент потренировать артиллеристов. Комдив нам прямо наказывал: ни дня без боевой учёбы! Ведь не на свадьбу идём – фашистов бить. Так что, играй тревогу, будем наводить порядок.

По сигналу тревоги для комендоров начинается тренировка по воздушной цели, для остального экипажа – аврал. Аврал на корабле не значит паника или суматоха. Быстро и сноровисто работает вся команда. Снуют с тюками и коробками матросы, находя им подходящее место и намертво закрепляя на случай самой жестокой качки. Хотя и в тесноте, но никто ни с кем не сталкивается. Не слышно досадливых реплик, окриков, понуканий. Каждый знает свой маневр, и эта всеобщая, дружная, слаженная работа рождает общее чувство необъяснимой радости, музыку душевного подъема.

В самый разгар аврала вахтенный замечает в небе другой самолет – японский. И по кораблю разносится новая вводная: «Стоп дизеля! Оба электромотора средний вперёд! Заполнить главный балласт!» Повинуясь действиям моряков, лодка послушно уходит под воду.

Юрий Нуждин на боевом посту нервно крутит головой. Александр Морозов заметил это:

– Что, уши закладывает?

Нуждин стал было отнекиваться, но Александр с пониманием советует:

– Ты не смущайся, с непривычки у всех так. Просто слюну сглотни пару раз – должно пройти.

Уже через несколько секунд Юрий с благодарностью посмотрел на товарища:

– Это ведь ещё и не глубина вовсе. А что будет в 20–30 метрах под водой?

– Пустяки! Скоро будешь плавать как рыба. Я даже песенку про это сочинил. Как-нибудь споём...

– «По местам стоять к всплытию!» – слышится команда. Лодка пробкой выскакивает на поверхность. Но погода явно испортилась: и волны выше, и ветер сильнее.

Шаповалова, который только что сменил на вахте Негашева, тут же окатило холодным морским залпом.

– Ого! – от неожиданности у него даже перехватило дыхание.

– Неласково Японское море! – откликнулся Братишко, которому тоже досталось. – Ты, политрук, пройдишь-ка по отсекам, посмотри, как там наши морские волчата. Как бы не приуныли на этих качелях.

Шаповалов с недоверием оглянулся на командира: может, посчитал его слабаком из-за невольного вскрика?

– Иди, иди, – усмехнулся Братишко. – А вернешься – не забудь плащ накинуть: кончился наш бархатный сезон!

В первом же отсеке старший политрук застал довольно унылую картину: сразу три человека склонились по углам над презренными среди моряков бумажными кулками.

– О-о-о! – Шаповалов брезгливо потянул носом. – Давно у нас прелым духом не пахло! Что, братцы-мореманы, никак прогневили морского царя?

В этот момент волна не только швырнула лодку с боку на бок, но и заставила сильно клюнуть носом. Политрук, пролетев до носовой переборки, едва успел ухватиться за первый попавшийся клапан, но куражу не потерял:

– Ну-ка, хватит кульки целовать! Старшина...

– Я! – предстал перед офицером могучий вожак радистов Сергей Колуканов.

– Вы что ж тут сырость развели?! Какое лучшее лекарство от морской болезни, знаете?

– Работа, товарищ старший политрук.

– Правильно. Вот и давайте... Начать в отсеке большую приборку!

– Есть начать приборку!

Понаблюдав, как матросы, разобрав швабры и ветошь, принялись убирать отсек, Шаповалов собрался было двигаться дальше, но заметил, что рулевой Павел Плоцкий водит ветошью по переборке еле-еле вяло и с лицом кислым, как от незрелой ягоды.

– Краснофлотец! Веселей, веселей надо! С песней! Нам песня, как говорится, строить и жить помогает.

– А я с песней, товарищ старший политрук. Только про себя.

– Смотря какая песня! Мне отец рассказывал, как у них в деревне управляющий помещьем учил песням маляров. «Вы, – говорит, что поёте? «По диким степя-а-ам За-байкалья, где зо-ло-то ро-ют в го-ра-ах...» Потому и спите на ходу. А надобно петь: «Ох вы, сени – мои сени, сени новые мои! Сени новые, кленовые, решет-чатые!» Сразу работа веселей пойдёт!»

Заулыбались моряки, бодрей стали двигаться.

В следующем отсеке Шаповалову нравоучения не понадобились – там опытные матросы сами нашли противоядие от качки.

– Ванюша, – говорил комендору Ивану Грушину флотский «ветеран» Константин Воронков, – скажи «табуретка»!

Окружающие, казалось, застыли в ожидании ответа.

– Скажи «табуретка»! – требовательно повторил Воронков.

Грушин, смущенно улыбаясь, пытается уйти от экзекуции:

– Ну, зачем тебе?

Шаповалов, прислушавшись и не понимая, что происходит, решил вмешаться:

– Почему не приветствуете старшего по званию?

– Встать! Смирно! Товарищ старший политрук, дневальный по отсеку краснофлотец Богачёв...

– Вольно. Чем занимаетесь?

– Да вот, отрабатываем с краснофлотцем Грушиным элементы морской культуры, – поясняет Воронков.

– А при чем здесь табуретка?

– Понимаете, Ваня у нас из трудовой семьи. И рассказывает интересные вещи. Очень поучительные. Одна беда – ругается необычно.

– То есть, как – ругается?

– Просто ругается – и всё. Говорит... Разрешите повторить?

– Ну, если без мата...

– Да нет, никакого мата! Говорит: тубарет тебе в печку! Мы спрашиваем: почему «тубарет»? Говорит, дядя у него – мастер делать «тубаретки». Лучший на всю деревню! Мы ему: табуретки? Нет, отвечает, – тубаретки. Ну, мы и это... надо же помочь человеку говорить правильно!

Посмеявшись вместе с матросами и преодолевая нарастающую качку, Шаповалов отправился дальше.

Четвертый, аккумуляторный отсек встречает его сизым, прогорклым чадом. Мотористы Александр Капелькин и мичман Николай Лосев, покрытые потом и по щиколотку в воде, открыли переборки, чтобы хоть немного было чем дышать у дизелей.

– Что, заливает? – кивнул Шаповалов в сторону шахты подачи воздуха. Чтобы не набрать воды в ботинки, он не вошёл в отсек, а встал в проёме переборки, на комингс.

– Мог бы и не спрашивать! Лосев, стараясь сдержать раздражение, терпеливо объясняет:

– Известное дело, товарищ старший политрук. Как шторм, так вместо воздуха из нашей шахты водопад. Вот и приходится... делиться гарью с товарищами.

– А противогазы надеть не пробовали? – политрук не спрашивает, а почти укоряет – за то, что мичман сам не додумался до такого простого решения.

– Противогаз, конечно, штука хорошая, – не отрываясь от работы, отвечает Лосев. – Только там очко запотеваает, приборы не разглядишь...

Лодку сильно накренило, и все трое чуть не обнялись, навалившись на дизель. По громкой связи разнеслась команда:

– Эй, на вахте: держать рули!

Шаповалов, глотнув дыма всей грудью, закашлялся. Низкорослый Саша Капелькин, нырнув куда-то под трубопроводы, вытащил на свет божий швабру и принялся собирать с палубы воду.

– Как бы вам, товарищ старший политрук, не...

Политрук понял намёк и, пристально поглядев на матроса, словно стараясь запомнить его, счёл за лучшее отшутиться:

– На море служить да ног не промочить? Так не бывает, товарищ краснофлотец... Ну ладно, не буду мешать. А насчёт противогазов всё же доложите командиру боевой части – делаю вам замечание!

– Есть! – буркнул Лосев, по-прежнему не отводя глаз от приборов.

Когда Шаповалов вернулся в центральный пост, вахту там нёс Сергей Чаговец. Шаповалов взял у него из рук вахтенный журнал и прочел последнюю запись: «16 часов 36 минут. Находимся на траверзе острова Монерон. Шторм 7 баллов. Крен до 30 градусов».

– Ну и качка, товарищ старший политрук!

– Страшновато?

– Не то чтобы...

– Похоже, вы человек сухопутный?

– Из Харькова я. У нас в городе три реки. Одна так и называется – Харкив, это по-украински, вторая – Лопань, а третья – Нетеча. Но все такие мелкие, что про них даже поговорка есть: хоть Лопни – Харкив Не-тече!

– Метко! – улыбнулся Шаповалов. – А у нас ведь большинство экипажа в море новички, да?.. Дайте-ка по кораблю команду: агитаторам собраться во втором отсеке. Надо с ребятами потолковать...

Сменившись с вахты, Анатолий Стребыкин вернулся в свой отсек и забрался в койку. Но качка, которая выматывала на посту, здесь досаждала ещё больше. Койку то и дело швыряло из стороны в сторону, время от времени мерное гуденье дизелей нарушалось какими-то стуками – будто на палубу летели не прикреплённые как следует предметы. Преодолевая приступы тошноты, Анатолий то сворачивался в комок, то пытался выпрямиться в своём коконе, безуспешно стремясь забыться усталым сном. В какой-то момент, приоткрыв глаза, он заметил в тусклом мареве аварийного освещения чью-то фигуру, скользнувшую в отсек. Когда лодку в очередной раз бросило набок, фигура рывком ухватилась за пиллерс – металлическую колонну посреди кубрика, потом так же стремглав бросилась к ближайшему рундуку и, опустившись на колени, достала что-то из-за пазухи. Неужто на корабле завелся вор? Анатолий открыл было рот, чтобы окликнуть фигуру, но вдруг до него донесся горячий, прерывистый шёпот:

– О, святой ангеле, хранителю и покровителю мой благий... С сокрушенным сердцем и болезненной душой предстою ты, моляся... услыши мя, грешного раба своего... явися мне милосерд... Не престай убо умилоствляя премилосердаго господа и бога моего, да отпустит согрешения мои... в страшный же час смерти неотступен буди ми, благий хранителю мой...

Молитва была долгой и страстной. Анатолий слушал, забыв про качку и тошноту, растерянно соображая, как поступить. Окликнуть товарища, прервав эту мольбу о спасении? Или подслушивать дальше, оставшись наедине с его тайной? Дождавшись, пока шёпот прекратился, Анатолий дождался попутного броска волны и выпрыгнул из койки. Фигура почти в испуге повернулась к нему, и Анатолий узнал рулевого Сергея Жигалова.

– Серега, ты? Тебе что, плохо?

– Мне? – Сергей поднялся на ноги, едва возвращаясь к действительности. – А-а, это ты?.. Да нет, просто качнуло вот... оступился... А ты чего?

– Что, страшно?

– Мне?! А, ну конечно!.. Молюсь – значит, трус, да?! Иди-иди, докладывай!.. «Краснофлотец Жигалов незрелый, морально неустойчивый тип». Может, я даже шпион, а? Идейный враг?

– Всё, высказался?

– А чего ж ты?!

– А что – я? Ну да, слышал, как ты со своим ангелом беседовал, – и что? Думаешь, все вокруг – подлецы и доносчики?

Жигалов с горечью опустил голову:

– Почём мне знать?

Помолчав, Анатолий спросил:

– Ты откуда?

– Орловский я... Станция Змиевка, слышал?
– Кажется, проходила в сводках...
– Немцы там... И мама моя... Один я у неё. Вот и молюсь: за неё и... за себя – как за неё... Понимаешь? У нас и район Богодуховским называется...
– Ты ещё за солдата помолись.
– За какого солдата?
– Нашего! Который сейчас за Орловщину воюет... Ты здесь – за него, он там – за тебя... Стребыкин включил свет и вернулся к товарищу.
– Ты вот что... Верить в бога, не верить – твоё дело. Я сам недавно крестик снял – перед тем, как в комсомол вступил. До сих пор, бывает, когда поджилки трясутся... – Анатолий усмехнулся, – то и перекрестишься. В душе или наяву...

– Но уже не веруешь?
– Верю! В отца и мать своих верю. Если вправду по воле божьей они меня рождали, значит, и на мне теперь благодать... Но это так, к слову... А ты, главное, в истерику не впадай. Истерика для нас, мужиков, – последнее дело. По себе знаю. Я в Дмитрове на экскаваторном заводе работал. А рядом стройка была, канал Москва – Волга, слышал? Ну так вот... Перегоняли мы как-то экскаваторы туда. Впереди один – там водитель и слесарь, сзади, на другой машине, – мы с корешем. Уже подъезжали к берегу, как вдруг видим – передняя машина вроде как провалилась. Потом оказалось, перемычку прорвало, вода грунт подмыла – ну, машина и кувыркнулась... Мы выскочили, смотрим – стрела экскаватора в воде, у одного из мужиков глаза навывкате, благим матом орёт, за стрелу цепляется, а руки скользят – того гляди, унесёт его... А другой... Тот сразу воздуха глотнул – и воду. Ну, думаем, кранты, пропал... На берегу суета, пока то да сё... Когда смотрим – тот из-под воды вынырнул и спокойно так, будто на тренировке, подхватил напарника подмышки, оторвал его от стрелы – и поплыл. Не растерялся, значит. В панику не впал. Понял?

Жигалов, который слушал рассказ молча, в ответ так же молча покивал, натянул на голову чёрную форменную пилотку и, похлопав Анатолия по плечу, так же молча вышел из отсека.

Ближе к ночи С-54 вошла в Татарский пролив. Качка стала стихать, но надвинулась другая напасть – туман. В рубке заступившие на вахту – старпом Васильев и сигнальщик Василий Глушенко пристально вглядываются в густеющую мглу.

– Стоп дизеля! – командует старпом. – Электромоторы – самый малый вперед!

Лодка движется почти на ощупь, без огней. Только справа, где-то вдали, едва светится пелена над горизонтов.

– Нэ бояться японци – ниякого затэмнення у них, – замечает Глушенко со своим невольным украинским выговором. Вообще-то он вполне может говорить и по-русски, но когда сбивался на свой, родной язык, легко было догадаться, как он тоскует по родным местам.

– А кого им бояться? С нами они не воюют, американцы далеко пока долетят, их успеют заметить...

– Алэ мы ж ховаемся, хоть з ными тэж нэ воюем!

– У нас задача такая.

– В такой туман нияка собака нас нэ побаче... А правду лейтенант Тихонов казав, що Татарский пролив вузенький-вузенький – навить можна на скалу налэтиты?

– Ну, не весь пролив такой – только самая узкая его часть, пролив Невельского.

– Так, може, в ночи краще... як його... переждать?

Васильев покачал головой:

– Война ждать не будет.

– Дэ та вийна – и дэ мы... – Глушенко вздохнул. – Перед землякамы соромно!

– Я слышал, вы из Полтавы?
– Не з самой Полтавы – из Зинькова. Мисто таке... город...
– Большой город?
– Та ни, малэнький. Пид нимцем тепер...
– Ничего, вернем себе и большие города, и маленькие...
– Колы вже воюваты будэмо?
– Будем, будем, Глушенко! А пока давайте-ка получше за морем смотреть.
– Ой, – вдруг восклицает сигнальщик. – Товаришу капитан-лейтенант, бачу сигналы з флагмана!

Действительно, сквозь туман можно было разглядеть, что с флагманской лодки С-51, шедшей впереди, прожектором стали подавать сигналы.

– «Командиру! – стал расшифровывать Глушенко. – Предлагаю... продолжать... движение... вперед... Ваше... мнение?»

Через несколько минут, после доклада капитан-лейтенанту Братишко, он уже передавал ответ: «Командиру! Согласен».

Утро разбудило экипаж весёлым голосом вахтенного – техника-лейтенанта Зальмана Ройзена:

Подъём! Приготовиться к физзарядке на верхней палубе! Народ в отсеках, выпрыгивая из коек, недоуменно переглядывается, пожимает плечами: может, поход только приснился? Или проспали, как закончился? Лишь выходя на палубу, моряки восхищенно возвращаются к действительности. И она прекрасна: слева и впереди зелёно-голубым ковром расстилается спокойное, чуть парящее белесым дымком море, справа в матовой тени восходящего солнца светится багрянцем прибрежный лес. Матросы улыбочиво щурятся на светило, блаженно вдыхают свежий воздух.

– Рыбой пахнет! – замечает Петр Грудин.

– Соленой... – уточняет Сергей Чаговец.

– И огурчиками, – подхватывает Анатолий Стребькин.

– Да воздухом, воздухом тут пахнет, обжоры вы несчастные! – укоряет их Демьян Капинос, который у себя на камбузе тоже соскучился по чистому морскому бризу.

– Демьян, ты чувствуешь – его же хоть ножом режь да с маслом ешь! – не соглашается великан Сергей Колуканов и, подхватывая маленького кока на руки, чуть не жонглирует им на палубе.

– Краснофлотец Колуканов, отставить неуставные упражнения! – слышит он команду вахтенного и, отпустив Капиноса, принимается вместе со всеми делать зарядку.

– Разбиться попарно! Упражнение «насос» – раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре...

Лодка скользит по глади Охотского моря, и Стребькин подмигивает Сергею Жигалову:

– А ты говоришь «купаться»!

Жигалов в ответ только улыбается, и в веселой игривой волне будто тонут картины вчерашнего вечера...

День проходит по обычному деловому распорядку: приборка, ремонт материальной части, обед, дневной сон – первый с начала похода спокойный и тихий, потом – неперенные тренировки на боевых постах, А вечером...

Сергей Колуканов вынес на палубу разножку, баян – и все свободные от вахты, от командира до кока, слились в негромкой душевной песне:

**Споете, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет**

**Седой боевой капитан.
Прощай любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.**

А в это время...

В центральном посту С-56 – капитан-лейтенант Григорий Щедрин и руководитель похода капитан 1 ранга Александр Трипольский. Время от времени, несмотря на закрытый люк, их окатывает холодный водопад.

– Да-а, Григорий Иванович, – ёжится Трипольский, – боюсь, придется нам у штурманов по черпачку «шила» выпросить, а то как бы не простудиться.

– Не стоит, Александр Владимирович, – смеётся Щедрин, – у меня на этот случай командирский НЗ припасён. На растирку, только на растирку!..

Отряхнувшись от водяных капель, оба склоняются над картой Татарского пролива.

– Надо думать, Сушкин и Братишко уже выбрались из этой Татарской «трубы»?

– По времени – должны бы.

В этот момент лодку, завалившуюся на борт, окатывает новый водяной шквал. В пост вбегает вахтенный:

– Товарищ капитан 1 ранга, разрешите обратиться к капитан-лейтенанту Щедрину!

– Что случилось?

– Вода попала в снарядный погреб, залила электроприборы.

– Этого только не хватало! Командира БЧ-два ко мне! – командует Щедрин.

– Может, сбавить ход? – советует Трипольский. – Или уйти под воду?

– Под воду нельзя – скоро Амурский залив, как бы на мель не сесть. Да и медлить не стоит, пока мы в поле зрения японцев. Наоборот, я бы ещё прибавил...

– Ты, Григорий Иванович, конечно, человек азартный, но всё же не увлекайся...

– На дизелях! – командует Щедрин. – Средний ход! Рулевым держать курс!

На палубу то и дело обрушиваются водяные валы, то и дело проникая сквозь люки внутрь корабля. Внезапно лодка вздрогнула и резко сбавила ход.

– В чём дело? – прокричал на вахту Щедрин.

В центральный пост входит командир группы движения Чебукин:

– Товарищ капитан-лейтенант, беда. Вахтенный матрос Назаров не уследил за уровнем масла на левом дизеле и сжёг упорный подшипник.

– Чёрт знает что! – вскипел Щедрин. – Где вы понабрали таких специалистов, лейтенант? В Ванинском порту?

– Отставить, товарищ капитан-лейтенант! – осадил его Трипольский. – Люди устали, руганью делу не поможешь. Лейтенант, отправляйтесь к дизелям, лично контролируйте вахту и ремонт!

– Есть! – козыряет офицер, но спустя некоторое время возвращается: – Лопнул маслопровод правого дизеля!

От ярости Щедрин вне себя. Сжимая кулаки, начал почти беззвучно, с нарастающим гневом:

– Ты... ты понимаешь, лейтенант?.. Если шторм... если нас отнесёт к японскому берегу... в плен... Под трибунал пойдёшь!

– Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить!

– Что ещё?!

– Мичман Овчаров предлагает запустить левый дизель вхолостую, а его насос переключить на правый дизель. Тогда можно временно идти на одном двигателе.

Щедрин на секунду задумался, но тут же оценил идею:

– А не дурак этот твой мичман... Как, товарищ капитан 1 ранга?

– Действуйте! – одобрил Трипольский.

Когда лейтенант вышел, Щедрин отер пот со лба и не то спросил, не то предсказал:

– И сколько ещё таких ЧП на нашем пути?

Десятый день похода

Петропавловск-Камчатский, Авачинская губа, 14 октября 1942 года

Над Авачинской бухтой нависло серое, без единого просвета небо. Вдоль по горизонту бугряты разновысокие сопки, оттеняя белоснежные шапки Авачинского и Козельского вулканов.

К плавбазе, в которую превращен списанный по старости пароход, пришвартованы две подводные лодки – С-51 и С-54. На лодках идет обычная, будничная работа – дряют, красят, ремонтируют. А из громкоговорителя, укрепленного на мачте плавбазы, раздается голос Левитана:

– Передаём сводку Совинформбюро. В течение ночи наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда и в районе Моздока. На других фронтах никаких изменений не произошло.

На палубе плавбазы – командиры лодок Сушкин и Братишко.

– Как хочешь, так и понимай, – говорит Сушкин.

– Что ты имеешь в виду, Лев Михайлович?

– Позавчера, когда пришли сюда, первым делом кинулся просматривать сводки. И поразился: почти месяц утром и вечером одно и то же – «вели бои в районе Сталинграда и Моздока. На других фронтах изменений не произошло». И всё! Представь себе, что думают в эти дни наши жены, матери... Они ведь понимают: каждый день – бои, каждый день стреляют. По всей линии фронта! У кого-то, может быть, уже погиб сын, муж, брат. А им – «никаких изменений не произошло»!..

– А что скажешь, если нет перемен? Люди-то ждут вестей радостных...

– Не знаю... Мне кажется, нельзя так, двумя фразами... Это всё равно, как на вопрос «как дела?» человек отвечает – «нормально». Звучит – как «отстаньте, не ваше дело»... Твои-то как? Успели уехать из Ленинграда?

– Успеть-то успели, да ведь ехали ко мне во Владивосток, а я... Даже сообщить не смог, что ушёл, – на поезда ведь полевая почта ни писем, ни телеграмм не доставляет. Доберётся до Владика моя Надежда Васильевна с детьми, а меня нет. Я, конечно, попросил в штабе, чтобы встретили, с жильем помогли, но... сам знаешь, у них сейчас забот выше клотика...

Из репродуктора доносится:

– На днях гитлеровское командование объявило, якобы немецкие войска окружили и уничтожили южнее Ладожского озера 7 советских дивизий, взяли 12.370 пленных, захватили или уничтожили 244 танка, 307 орудий, 491 миномёт и т. д. Это сообщение немецкого командования от начала до конца является беспардонным враньём. Ни южнее Ладожского озера, ни в каком-либо другом месте гитлеровцы не окружали не только ни одной дивизии, но даже ни одного советского полка. Южнее Ладожского озера, в районе Синявино, в сентябре месяце советские войска предприняли наступательные бои. Целью этой операции являлось оттянуть часть сил немецкой армии с южного участка фронта. Эта цель была достигнута...

– Ох, побыстрее бы нам добраться туда, на север! – Сушкин сжал кулаки.

– Сегодня уже должны подойти Щедрин с Кучеренко... Чёрт возьми, с этим радиомолчанием мы как глухонемые!

– Не говори... Но самое удивительное, что на берегу все всё знают! Мои вчера возвращаются из увольнения – говорят: «А перед нами две лодки ушли в Америку!» В какую, спрашиваю, Америку, какие лодки, кто говорит? «Девчонки, – отвечают, – на танцах. А лодки – минные заградители Л-15 и Л-16». Ну что тут скажешь?! С такими боевыми подругами никакой разведки не надо.

– Да. А японцам – шпионов... Кстати, мне пора – пойду своих в увольнение отправлять.

На палубе С-54 выстроились моряки, получившие увольнительные на берег. Братишко, осмотрев форму одежды, напутствует их:

– О пьянстве на берегу долго говорить не буду: время военное, и наказание будет по законам военного времени. Пьяный моряк – тот же дезертир. А каждый стакан водки – считай, снаряд по своим.

– А как же боевые сто грамм?

– Во-первых, краснофлотец Плоцкий, разговоры в строю никто не разрешал. Хочется поговорить – оставайтесь на корабле. Во-вторых, давайте помнить, что мы с вами в бою пока не были. Мы, можно сказать, резерв главного командования. А резерв надо беречь. Так что, поберегите себя, ребята... Между прочим, Петропавловск – город знатный. Здесь неплохой краеведческий музей, куда нас пускают бесплатно. Сходите – узнаете про экспедиции Витуса Беринга, Семёна Дежнева, других славных русских людей... А то вернётесь после войны, спросят земляки: что ты видел на Дальнем Востоке? – и придется отвечать, как по уставу: грудь четвёртого человека, считая себя первым...

Строй хохочет, а мичман Лосев командует:

– Увольняемым на берег – равняйся! Смирно! Налево! На катер бегом марш!

В клубе на берегу – танцы. Музыка немудрящая: юный гармонист из местных умеет только польку, да вместо фокстрота – «Ты, моряк, красивый сам собою...». К нему подошёл раздосадованный Сергей Колуканов:

– Ну-ка, дай инструмент... Ты что, воду в нём носишь? Хрипит как чахоточный...

Всё же после нескольких попыток он выжимает из гармони «Амурские волны». Народ в клубе затоптался веселее. Посреди танца дверь открывается, и в клуб входит целая группа новоприбывших.

– Смотри, никак догнали? – говорит Петр Грудин.

– Кто? – не понял Анатолий Стребыкин.

Они стоят у стены и, с наслаждением лузгая семечки, наблюдают за танцующими.

– Да попучики ваши, с 56-й! – громко отвечает длинноносый солдатик, крутящий в вальсе высокую, тощую девицу. – Сегодня пришли из Владика.

– Ты, румпель! – обрывает его Павел Плоцкий. – Не спеши языком – торопись ногами!

– Чё ты сказал?! – солдат резко остановился, и его девушка, споткнувшись от неожиданности, чуть не упала ему на грудь.

– Да то! Знаешь – помалкивай. Не тебя спрашивают. И вообще... когда старшие говорят, детки слушают.

– О-о-о!.. Стёпка, – окликает солдат кого-то из «своих», – слышь, салаги голос подают!

– Ах ты, кнехт палубный!.. «Муха», ты где?

– Вот он я! – подскочил коренастый Федор Капель-кин. – Что за шум, а драки нет?

– Вы чего, ребята? – подоспели патрульные горкоменда-туры.

– Да так... – разочарованно «объяснил» Нищенко, с прищуром оглядывая стоящих наизготовку оппонентов. – Обменялись гудками и разошлись как в море корабли. У нас бы в Одессе таких фраеров...

– Краснофлотец! – одёргивает его старший патруля.

– А я что?.. Так, память детства...

Колуканов между тем доиграл вальс и, возвращая инструмент хозяину, потрепал мальчишку по вихрам:

– На! Чтоб до конца войны привёл в порядок и выучил «яблочко». Вернусь – проверю!

А на улице, за стеной клуба, круглолицый Николай Фадеев целуется в сумраке с девчонкой.

– Ты ещё приедешь ко мне? – переводя дух, шепчет она.

Николай ласково гладит её и светится доброй улыбкой:

– Не-а!.. – и почувствовав, как отпрянула девушка, возвращает к себе поцелуями: – Я тебя... к себе вызову... на Рязан-щину... телеграммой!

– Луна-а! – окликает его Грудин. – Была команда «отбой»!

– Всё! Будь! – наскоро прощается Фадеев. – Иду-у!

– Меня Леной зовут, – кричит ему вслед девчонка. – Лена... Свиридова... Слышишь?

– Товарищ капитан-лейтенант, матросы подлодки С-54 из увольнения вернулись. Проществий и опозданий нет! – докладывает вахтенный офицер Донат Нега-шев.

В каюте, кроме Братишко, находится и руководитель похода капитан 1 ранга Трипольский.

– Спасибо, вы свободны, – говорит Братишко, и оба командира склоняются над столом.

– Да, с такими картами далеко не уйдёшь! – вздыхает через минуту Братишко.

– Скорей, наоборот – можно уйти очень далеко! – горько усмехается Трипольский. – В штабе флота говорили: скажи спасибо, что хоть эта нашлась – мелкая, но всё же... Вроде бы, ещё с русско-японской войны осталась.

– Но ведь даже морскому ежу понятно было, что снова нам воевать придется!

– Руки не дошли... Ладно, что есть – то есть... Значит, завтра – курс на Умалашки. Это уже один из Алеутских островов.

– Ясно.

– При подходе... вот в этой точке... вас должны встретить патрульные корабли США и сопроводить на базу Датч-Харбор.

– Понятно.

– Как в экипаже настроение?

– Ребята боевые, рвутся в бой. Только... уж очень молоды!

– Ну, подводники вообще племя молодое. Старики тут не выдержат.

– Это верно. Но есть ребятки по 19, 18 лет... Жалею их – и ничего не могу с собой поделать.

– Жалеешь или щадишь?

– Щадить не получается – служба!

– Я видел: на заведованиях у тебя порядок, на постах стоят отменно. Молодцы!.. А я, как на финской побывал, понял: ты их пощадишь – враг не пощадит.

– Да я больше о себе! Боюсь, приму решение – да вдруг не то?! Они ведь потом со дна морского мне являться станут!

– Ну, знаешь! Ты мерехлюндию не разводи! Так много не навоюешь... На то и права командирские даны, чтобы их жизнями распорядиться. Жалко, не жалко – с наибольшей пользой для дела. Выбирать не приходится! Или не согласен?

– В общем и целом, конечно...

– Ну и лады... Давай прощаться! Связь та же... И семь футов тебе под килем!

– Спасибо. До свидания.

Они выходят из отсека, наверху тут же раздаётся голос вахтенного:

– Катер командира дивизиона – к трапу!

Третья неделя похода

Берингово море – Алеутские острова

На большом листе – надпись: «Приказ Родины выполним!» Это стенгазета, над которой колдуют Александр Морозов и Анатолий Стребькин. Рядом с книгой в руках устроился в койке Яков Лемперт. Тут же, за столом собралась «козлино-дробильная» команда – Сергей Жигалов, Иван Грушин, Василий Глушенко и мичман Николай Лосев. Оттуда время от времени взлетают возгласы:

- А мы вам сейчас... второй фронт устроим!
- Ах, вы так? Тогда мы вас... вот так прижмём!
- А торпеду в корму не хотите?
- Зачем же? Лучше бомбочку сверху – вот!
- Братцы, – представляет Морозов на суд товарищей законченный заголовок, – что скажете?
- Высший сорт! – поднимает большой палец Жигалов.
- Ошибка у вас, – морщится Лосев. – Серьёзная политическая ошибка!
- Где? Какая? – всполошились творцы газеты.
- Что это значит – «приказ Родины выполним»? – втолковывает им мичман. – Приказ на то и есть, чтоб его выполнять. Иначе быть не может!
- Ну, а что же... – недоумевает Стребькин.
- Как выполним – вот в чём главное! – наставительно произносит мичман. – Например: «Приказ Родины выполним с честью!»
- И так понятно, что с честью, – не соглашается Морозов.
- Кому понятно, а политрук, боюсь... того... осудит вашу незрелость!
- «Газетчики» озадачены, но ненадолго.
- Большое дело паровоз – кусок железа, шесть колёс! – объявляет Стребькин, и тут же берётся устранять «незрелость».
- Слышь, ребята, – подаёт голос с койки Яков Лемперт. – Здорово всё-таки – Америку увидим! Дома скажешь – не поверят...
- А ты им с порога: хав, мол, дую – и так далее. Сразу поверят! – отзывается Миша Богачёв.
- Опять ты, Мишаня, хавкаешь! Нас как Нуждин учит? А у тебя всегда жратва на уме – что по-русски, что по-английски, – под общий смех комментирует Коля Семенчинский.
- Ты зато гавкаешь... Тоже мне, американец! – не остаётся в долгу Богачёв.
- В отсеке появляется круглая физиономия Николая Фадеева, который, раздвигая всех, пробирается к электромоторам.
- Ой, пустите к моторчику погреться! В рубке, знаете, какой колотун?! Как там наши сигнальщики выдерживают?.. По-моему, даже шторм надвигается.
- От-тубарет ему в печку! – в сердцах возмущается Грушин. – А я думаю: чего у меня вроде как кишки всплывают? А это волна круче стала...
- Морозов, а Морозов! – покрепче привязав себя к койке, снова напоминает о себе Лемперт. – Вот читаю я книжку, что ты дал – «80 тысяч километров под водой»...
- Ну...
- Всё ж какой мужик был этот Жюль Верн! Ста лет не прошло, как придумал он свой «Наутилус», а люди и вправду под водой плавать стали!.. Что б такое самому придумать – людям на память?

– Придумай, чтоб рыбу в море не ловить, а только чтоб сигналы какие-нибудь подавать – и она сама к берегу приплывала, – предложил Богачёв.

– Кому що, а курци просо! – приговаривает Вася Глушенко. – Тоби якбы й галушки у рот сами стрыбалы. Як у Гоголя...

– Вася, я ж не ради жратвы! Ты представь, сколько рыбаков в море ходит – в любую даль и в любую погоду, и сколько тонут-пропадают... А то бы настроили передатчики на какую-то частоту – и позвали бы рыбку к берегу. Одну подкормить, чтоб росла быстрее, у другой – икру принять, чтоб мальков выращивать, а какую, конечно, и на стол...

– Вроде курочек, да? Цып-цып-цып... – с насмешкой подхватывает Лосев.

– Нет, а всё же... – продолжает Лемперг. – Нашей скорлупке до «Наутилуса» далеко. У капитана Немо один только резервуар для хранения воздуха – семь с половиной метров в длину, каюта – пять метров, зал – 10 в длину и 5 в ширину. А кроме того – музей искусства и даров природы, стены с картинами лучших художников, копии античных скульптур, а посреди салона бьёт фонтан, освещенный снизу электричеством. Кстати, Морозов, библиотека «Наутилуса» тоже занимала пять метров, там – книжные шкафы с бронзовыми инкрустациями и 20 тысяч книг! А ещё – столовая, камбуз, ванная комната, машинное отделение...

– И откуда у этого... – мичман Лосев на секунду запнулся, произнося незнакомое имя.

– Капитана Немо...

– Откуда у этого Нема электричество на всё про всё?

– Пока не дочитал до этого.

– Брехня всё это! – убеждённо сказал Лосев.

– Не брехня, а фантастика! – возразил Морозов.

– Кончится война, – мечтательно говорит Грушин, – учиться пойду. Целые города будут у меня под водой плавать!

– Ну и зачем? – вступает в разговор Стребыкин. – Ты подумай, какая земля красивая... У нас под Москвой берёзы, луга... А когда канал построили, такие зори пошли – задохнёшься от восторга!

– Погоди задыхаться! – почти врывается в отсек Юрий Нуждин.

– Прошу стол освободить – ай вуд лайк ту тич ю инглиш!

– О-о, наш тичер прыйшов! – радостно приветствует его Вася Глушенко и мигом собирает со стола костяшки.

– Вася, ты уж что-нибудь одно, – просит Саша Морозов. – Или по-русски, или по-английски... А то как сказанёшь в Америке на своём англо-русско-украинском – это ж гремучая смесь получится. Индейцы опять за топоры схватятся, решат, что инопланетяне напали!

– Стоп токинг! – решительно пресекает трёп Юра Нуждин. – Лэтс стади инглиш, плиз.

А ночью лодку настигает жестокий шторм. Вахтенный офицер штурман Константин Тихонов и краснофлотец Иван Грушин то и дело попадают под ледяной водопад. В отсеках, как ни закрепляли всё по-штормовому, время от времени что-то падает, с борта на борт проносится с грохотом по железному настилу палубы. Свободные от вахты пытаются спать, привязавшись к койкам, но это удаётся только двоим – Виктору Бурлаченко и Сергею Колуканову.

– Всё же хорошо великанам, – с завистью говорит Федя Капелькин. – Эти туши никакой шторм не раскачает!

– Федя, – не открывая глаз, отзывается Бурлаченко, – а ты ныряй ко мне в койку. Валетиком! Хочешь?

– Нет уж, тогда лодка вообще на борт завалится!

В рубке – новый шквал. Кое-как отряхиваясь от потоков, Грушин предлагает:

– Товарищ лейтенант, а нельзя хоть на часок под воду?

– Комендор, мы с вами не улитки, чтоб на дно прятаться. Да и некогда...

Внезапно корабль резко бросает в сторону и тут же, как пустой орех, – обратно.
– На рулях! В чём дело? Держать курс! – кричит Тихонов в переговорную трубу.
– Вышел из строя мотор вертикального руля! – слышится в ответ.
– Механик!

Через минуту в седьмом отсеке – целая бригада рулевых: Александр Новиков, Василий Глушенко, Сергей Жигалов, Павел Плоцкий.

До боли в руках, то сменяя друг друга, а то и вцепившись вместе, они крутят штурвал, заставляя раненую лодку идти заданным курсом.

Штурман, спустившись в центральный пост, вглядывается в карту. Следом появляется командир.

– Что, Константин Митрофанович? – спрашивает Братишко.

– Товарищ капитан-лейтенант, идём вроде верно... Но с такими картами да в такую погоду и заблудиться недолго!

Нам бы только к месту встречи выйти – оттуда нас американский эсминец должен сопровождать... Где-то вот здесь... К рассвету надо успеть... Пойду наверх!

– Осторожно, мостик обледенел почти.

– Ну, штурман, – смеётся Братишко, – зря я, что ли, морские узлы сутками учился вязать? Лишь бы какая шальная акула не слопала. Так они здесь вроде бы не водятся...

К утру шторм стихает. Матросы в отсеках непробудно спят, а Братишко с новым вахтенным, Донатом Негашевым, тщетно пытаются разглядеть в море встречающий эсминец. Горизонт чист.

– Похоже, свидание срывается? – замечает Негашев.

– М-да... Союзничков бог послал!.. А в приказе главкома всё чётко сказано. Вот: «Подлодки до Датч-Харбора следуют самостоятельно, не вступая в связь с американскими рациями. В 45 милях от Датч-Харбора (широта 54°45', долгота 167°00' западная) они будут встречены американскими кораблями для ввода в Датч-Харбор. В случае, если лодки запоздают с подходом в назначенную точку, то, пройдя меридиан 175° западной долготы (т. е. за сутки до подходной точки), они сообщают об этом по радио на английском языке, не указывая своего места и принадлежности к советскому флоту»...

– Кажется, ясно.

– А теперь придётся самим искать этот остров Умалашки. При том, что у нас карты и логии – ещё 1910-го «года рождения»... Ну да ладно, где наша не пропадала!

– Земля! – прерывает их разговор возглас комендора Петра Иванова, который несёт вахту в рубке.

Убедившись, что матрос доложил верно, Братишко облегчённо вздыхает:

– Кажется, Иванов открыл Америку...

Негашев смеётся:

– Надо ребятам сказать, пусть в «боевом листке» так и напишут: «Иванов открыл Америку!»

И спустя время записывает в вахтенный журнал: «20 октября 1942 года в 12.20 ошвартовались в военно-морской базе США – в порту Датч-Харбор. От Владивостока пройдено 3500 миль».

Во втором отсеке Шаповалов, собрав экипаж, читает очередную сводку Совинформбюро:

– Вечернее сообщение 20 октября. «В течение 20 октября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда и в районе Моздока. На других фронтах никаких изменений не произошло. За 19 октября нашей авиацией... уничтожено 4 немецких танка, 10 автомашин

с войсками, подавлен огонь 2 артиллерийских батарей, потоплен сторожевой корабль, рассеяно и частью уничтожено до роты пехоты противника».

– И всё? – слышен разочарованный голос.

– Краснофлотец Нищенко, – Шаповалов укоризненно качает головой, – пора бы понять, что нынешняя война – не игра в одесском дворе. Мы бьёмся с самой сильной армией Европы, даже мира. И если товарищ Сталин сказал, что победа будет за нами, так это потому, что наше дело – правое! Но даётся победа тяжело. За каждой цифрой, которую мы прочли, товарищи, – смертный бой. Кровь и пот наших солдат и офицеров. Самоотверженный труд народа. А скоро придёт и наш черёд...

– Политруку срочно прибыть во второй отсек к командиру корабля! – донесла радиотрансляция.

– Заканчивая политинформацию, – наскоро договорил Шаповалов, – хочу напомнить: и в ближайшие дни, и позже нам предстоят встречи с американцами. Надо проявить себя достойно. Помните: мы союзники в борьбе с фашизмом. Но нельзя забывать: страна чужая, возможны каверзные вопросы, даже провокации. Поэтому – бдительность и ещё раз бдительность!

– Завтра, 25 октября, – Братишко мельком взглянул на часы и оглядел строй экипажа, – о есть, ровно через сутки, мы должны выйти в море. Впереди самый долгий отрезок пути – из Датч-Харбора в Сан-Франциско. Но... Час назад командир БЧ-пять доложил мне о серьёзной поломке в цистернах главного балласта. Кингстоны стали пропускать воду. Вы понимаете, что это значит. Никакие манёвры с погружением и всплытием невозможны. С такой неисправностью в море выходить нельзя – дотянуть до Калифорнии не удастся.

Братишко сделал несколько шагов перед строем. Почти пятьдесят пар глаз смотрели на него в надежде, что он, командир, наверняка знает выход из положения.

– Для ремонта необходимо становиться в док. Для этого нужны деньги – 100 долларов за каждый час пребывания плюс триста – за саму постановку в док.

Строй заволновался.

– У нас деньги есть. Но они выданы на весь поход, и кто знает, что нас ждёт впереди. Кроме того, мы можем потерять двое суток и отстать от графика.

Казалось, напряжение нарастало в самом воздухе, и каждое слово давалось командиру с трудом.

– Есть вариант – отремонтировать клапана самим...

Экипаж будто бы разом с облегчением выдохнул.

– ... однако это связано с риском. Два-три человека должны будут спуститься в полуза-топленную цистерну... напоминаю: температура забортной воды – не выше трех градусов... дожждаться, пока под давлением воду удастся вытеснить... при этом давление воздуха будет серьёзно нарастать... затем найти и ликвидировать неисправность, после чего снова дожждаться заполнения цистерны и убедиться, что поломка устранена.

Братишко ещё раз всмотрелся в лица своих матросов, словно хотел убедиться, вполне ли они поняли, насколько серьёзное испытание предстоит.

– Повторяю: задача связана с немалым риском – бросить работу сделанной наполовину нельзя. Приказывать – не могу. Нужны добровольцы.

Одновременно вперёд выступили «боги «воды и пара»»: старшина команды Петр Грудин, Сергей Чаговец, Анатолий Стребыкин и Николай Роцин.

– Разрешите нам, – от имени всех произнёс Грудин. – Наше заведование – нам и ремонтировать.

– Спасибо, старшина. Но... справитесь? Как себя чувствуете?

– Все здоровы. Все знают механизмы. Справимся!

– Ну что ж... Грудин – старший, Чаговец и Стребькин – в цистерну, Рошин – наверху контролирует герметичность цистерны. Полчаса на подготовку!

Собирались сосредоточенно. Когда одевались в легководолазные костюмы, в отсек прибежал радист Николай Семенчинский:

– Землячок, поддень-ка вот это – матушка вязала, – и подал Стребькину свитер.

Кто-то принёс тёплый тельник, кто – шерстяные носки, Яша Лемперт доставил банку с тавотом:

– Смажьте руки – как бы не отморозить...

– А перчатки резиновые на что? – удивляется Стребькин.

– В перчатках много не поработаешь.

– Чего бы другого не отморозить, – отшутился Чаговец, – но там тавот не спасёт!

Когда открыли цистерну, оттуда пахло затхлым духом и тиной. Грудин посветил вниз переносной лампой.

– Вода на уровне ватерлинии... Ну, с богом, братцы! Осторожно, не спеша...

– За Родину, за Сталина! – донеслось из-под скафандра Стребькина.

Когда оба добровольца оказались в цистерне по пояс в воде, Чаговец поднял переноску и махнул Рошину:

– Задраивай!

Мерно загудел насос, накачивая воздух. Рошин и Грудин на палубе следят за стрелкой манометра. Чаговец и Стребькин знаками показывают друг другу, что всё в порядке. По мере нарастания давления они следят за уровнем воды. Наконец, мокрая полоска на борту цистерны начинает расти, становится шире, шире... Стребькин слегка потряхивает головой: воздух всё сильнее давит на уши. Чаговец сжимает руку в неуклюжий кулак: держись, мол! Следом за уровнем воды они всё ниже спускаются по скобам трапа, пока не достигают дна цистерны.

– Вот он, злополучный кингстон. Так и есть: клапан перекошен. А всё потому что под него попал... огромный гаечный ключ. Откуда ему тут взяться? Версия одна: кто-то из доковых рабочих во время ремонта во Владивостоке забыл его где-нибудь в дальнем углу, а при качке потоком воды увлекло его к жерлу кингстона, да так и зажало.

Сергей Чаговец попытался просто вынуть ключ из кингстона – не тут-то было! Надо было провернуть клапан. Оба взялись за штурвал, напряглись – не поддаётся. Перчатки долой, вцепились в четыре руки, упёрлись ногами в переборку – ни с места. Хорошо, Чаговец прихватил с собой небольшой ломик – можно использовать как рычаг. Но, во-первых, действовать приходится осторожно – как бы не сломать механизм, а во-вторых, руки, хоть и смазанные тавотом, предательски коченеют.

– А что если, – кричит Стребькин и показывает рукой, – вставить лом прямо в горловину кингстона и чуточку отжать?

– Давай! – кивает Чаговец.

Раз, другой... Злополучный ключ шевельнулся и, провалившись ещё на сантиметр, застрял, кажется, ещё больше. «Постой!» – поднял Стребькин руку и почти лёг в остатки воды на дне цистерны. Вглядевшись в зев кингстона, он кричит:

– Ты жми, а я попробую ключ выдернуть.

Чаговец горячечно замотал головой: опасно! Мол, если не удержу – без пальцев останешься. «Давай!» – решительно кивает Анатолий и снова плюхается в воду возле кингстона. Одной рукой он помогает Чаговцу отжимать клапан, а кистью другой охватывает ключ. Рывок, ещё рывок... Ухватившись обеими руками, он всё-таки выдерживает ключ из кингстона, и в ту же секунду клапан срывается с рычага, запечатывая отверстие. Оба радостно поднимают руки, чувствуя победу. Теперь надо несколько раз провернуть клапан, чтобы убедиться в его исправности. Всё в порядке! Чаговец стучит по борту цистерны, подавая условный сигнал Грудину и Рошину. Когда давление в цистерне сравнили, люк открывается, и оба водолаза караб-

каются замёрзшими руками и ногами по скобам. Наверху их уже ждут: друзья помогают стащить костюмы, растирают конечности, Демьян Капинос примчался с горячим чаем. В отсеке появляется Братишко и обнимает каждого:

– Спасибо, моряки! Это... это... вы даже не представляете, что вы совершили!

А Чаговец, смущённо принимая поздравления, шепчет Стребыкину:

– Сейчас бы придавить... минут по шестьсот на глаз! Братишко, однако, расслышал реплику:

– Спать! Конечно, спать! Заслужили!

– Запевай! – командует мичман Лосев. И строй, уже набрав нужный темп на каменистой дороге, усеянной желтоватыми лужами, дружно грянул любимую: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...»

«Дивизия» шла, не пряча лиц ни от дождевых струй, летевших со стороны колючих скалистых сопков, ни встречных армейских машин, то и дело норовивших обдать из-под колёс фонтанами грязи, ни жителей, удивлённо или восторженно застывавших при виде громкоголосой «чёрногривой» команды.

«Партизанские отряды занимали города» – летело над головами, и в какой-то момент Анатолию Стребыкину стало смешно:

– Ещё подумают – правда! А всего-то в баню идём...

– А чего они всё едят? – донёсся из середины строя приглушённый голос Миши Богачёва.

– Резину жуют! – глотнув слова песни, объяснил Юра Нуждин.

– А зачем?

Казимир Вашкевич, как парторг, посчитал нужным внести в диспут политическую нотку:

– Не видишь – с голоду опухли. Вот и жуют!

– Придётся тебе с ними котлетами делиться, – бросил Богачёву Сергей Чаговец.

Строй сдавленно чмыкнул, и мичман тут же отреагировал:

– Р-разговорчики!.. Раз, раз, раз-два левой!

...Баня оказалась совсем не такой, как ждали, а лишь просторной армейской душевой. Но какой! Сверкая кафельной плиткой и никелированными кранами, она окутала подводников уютным, густым парком, с давно забытой щедростью окатила горячей водой, до восковой мягкости растапливая их задубевшие в море тела. Чаговец не стерпел этой нежнейшей «диверсии» и, повинуясь давней привычке, забасил во всю мощь:

**Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром греме-е-ел,
И ветры в дебрях бушевали-и...**

Команда почти в сорок глоток подхватила: «греме-е-ел... бушева-ли-и».

– Эх, а всё ж сибирская банька позабористей будет! – заметил омич Павел Плоцкий.

– Сейчас бы веничек берёзовый! – мечтательно поддакнул Коля Фадеев.

– А мне б покрепче полоч да Маруську под бок! – отозвался его тёзка Семенчинский.

С сожалением покидая душевой рай, моряки в раздевалке попали под овации. Так их встретили нежданные слушатели – американские моряки и солдаты. Но аплодисментами дело не ограничилось. Союзники бесцеремонно подходили к полуголым братьям по оружию, угощали сигаретами и жвачкой, дружески хлопали по плечам. Особенно досталось великанам – Виктору Бурлаченко и Сергею Колуканову.

– Рашен, гуд! Вери найс! О-кей! – эти возгласы раздавались до тех пор, пока Бурлаченко в сердцах не рывкнул:

– Идите к чертям, камрады! Что я вам, лошадь? Хлопают, как цыгане на базаре...

– А они у тебя хвост ищут. И рога! – опять «разгадал» тайный замысел Вашкевич. – У «красных» они обязательно должны быть...

Но Юра Нуждин, включив свой английский, пришел богатырям на помощь объяснил окружающим, что ребята стесняются. У него завязалась с американцами довольно дружелюбная беседа, и вдруг он воскликнул:

– Братцы, вы послушайте, что он говорит!.. Зыс неви, – обнял он за плечи коренастого военного моряка.

– Джон Тимбери, – с готовностью подсказал тот.

– Вот... Джон говорит, что две недели назад здесь были еще две советские подводные лодки!

– Какие? Не может быть! – раздался голоса.

– Йес, йес! – закивал Джон. – Ту рашен сабмаринз. Эл-фифтин энд эл-сикстин...

– Ну! – стал переводить Нуждин. – Две лодки – Л-15 и Л-16. И якобы тоже пошли курсом на Сан-Франциско, а потом – к Панамскому каналу.

– Слушай, – насупился мичман Лосев. – Кончай эту болтовню. Были б тут наши лодки – неужто мы бы не знали?.. Провокатор какой-то...

– Ноу провокатор, ноу! – горячо заговорил Джон.

– О-кей, – наскоро скомкал беседу Юра Нуждин. – Гуд бай, май френд, гуд лаки...

Ситуация прояснилась по возвращении на корабль.

– Это правда, – ответил на расспросы экипажа политрук Шаповалов. – Действительно, два наших минных заградителя – Л-15 и Л-16 идут впереди тем же маршрутом. А что нас не поставили об этом в известность – на то и есть военная тайна.

– Хороша тайна, – не сдержался неисправимый одессит Виктор Нищенко, – если о ней весь Привоз базарит!

24-й день похода

Тихий океан

И снова поход. В рубке несёт вахту штурман лодки лейтенант Константин Тихонов, наверху – зенитчик Иван Грушин.

Этой ночью погода, кажется, дала океану отдохнуть от штормов и бурь. В небе – новолуние, поэтому звёзды сияют во всю свою красоту, а лодка будто опоясана голубым ореолом – так фосфоресцируют мелкие морские моллюски. Таким же голубым мерцанием светится впереди С-55, в кильватер за которой, как и раньше, идёт 54-я.

– Сверху глянуть – как два глаза, наверное... Грушин не заметил, что произнёс это вслух.

– Что вы сказали, Грушин? – переспрашивает снизу Тихонов.

– Это я так, – смущается моряк. – Красиво очень...

– Да, море всегда красиво. Я на Амуре вырос... там теперь целый город построили – Комсомольск... так в детстве любил в лодке по ночам плавать. Выгребу на середину реки, вёсла опущу и смотрю, смотрю на воду, на небо, на берега вокруг. Красота!

– Ой, товарищ лейтенант! Впереди...

– Что случилось?

– Справа, пятнадцать! Вижу артиллерийский бой подводных лодок!

Тихонов прильнул к окуляру перископа, впился взглядом в окрестное пространство. Далеко в матово-чёрном блеске то всплывали, то исчезали в воде продолговатые тёмные силуэты, а вокруг них время от времени взлетали едва заметные водяные фонтаны – словно всплески от артиллерийских снарядов. Тихонов уже готов был играть боевую тревогу, но, помня приказ в бой не вступать, помедлил – и тут же сообразил, что происходит.

– Ну, Грушин, – сказал он облегчённо, – в бдительности вам не откажешь. А вот китов с подводными лодками перепутать – этого бы нам с вами не простили.

– Киты?! – удивился Грушин. – А разве они тут водятся?

– Ещё как водятся! Для японцев и американцев это самый доходный промысел. Кончится война – я и сам бы в китобой пошёл.

Утром, когда Грушин спускается в отсек, там уже идёт привычная, будничная жизнь. Анатолий Стребыкин как бачковой убирает посуду после завтрака, Юра Нуждин готовит стол к занятиям английским языком, Александр Морозов – «штурман по карте» прокладывает по ней пройденный за ночь путь.

– Спасибо американцам, – говорит он, – дали карты, лоции... Теперь хоть не будем ползать как слепые кутята.

– Где мы сейчас? – интересуется Пётр Грудин.

– Вот: 52 градуса 14 минут северной широты и 163 градуса 42 минуты западной долготы.

Тем временем Грушин усаживается за свой завтрак.

– Как вахта прошла? – спрашивает Казимир Вашкевич. – Какой-то ты... скучный вернулся. Что-нибудь случилось? Или заболел?

– Да нет, – отмахивается тот. – Всё нормально.

– Точно? – не унимается Вашкевич, прикладывая ладонь ко лбу товарища.

– Устал он! – подал голос Вася Глушенко. – Расскажи, Вань, як с китами сражался.

Грушин, сверкнув глазами, тут же сам расплывается в улыбке:

– А ты откуда знаешь?

Глушенко раскрывает тайну:

– А я, колы на камбуз ходив, чув, як Тихонов командиру докладав: так, мовляв, и так – ночью нияких происшествий не було, крим одного...

Теперь уже весь отсек пристаёт к Грушину:

– Вань, расскажи!

– Да ну вас! – Грушин укладывается в койку, натягивая на себя, чтобы согреться, не только одеяло, но и бушлат, и плащ.

– Ну, если уж накрылся полным аттестатом, теперь его не кантовать... – разочарованно отходит от него Сергей Чаговец, снимая общий ажиотаж.

В углу, примостившись на рундуке, Яков Лемперт колдует над своими ботинками. Пригладевшись, Николай Семенчинский издаёт восторженный клич:

– Слушай, ты же классный мастер! А заказы принимаешь? На моих тоже каблуки стёрлись, по палубе скользят. Набойки бы, а?

– Набойки – дело нехитрое, – мычит Яков, закусив суровую нитку. – Жаль, припасу мало – клею, гвоздиков... Не додумался в Петропавловске запастись.

Народ в отсеке окружил новоиспечённого сапожника, нахваливает работу, уже и очередь на починку вот-вот составитя...

– Молодец, Лемперт! – пробился сквозь общий гам голос Виктора Нищенко. – Зря на флот подался – сейчас где-нибудь в Чугуеве, знаешь, сколько бы заколачивал! А то... Еврей-подводник... Самый короткий анекдот!

Внезапно в отсеке повисает острая тишина. Сквозь мерный гул двигателей слышен даже плеск воды за бортом. Почуввав неладное, Нищенко подавил родившийся было смешок, потом заговорил озираясь:

– Вы чего?.. Братцы... Я же ничего такого... Яков, ты что, обиделся?

Молчание, тяжело заполнившее отсек, не рассеивалось.

– Ну, что я сказал?! – взорвался Нищенко. – У нас в Одессе плюнь в еврея попадёшь. Там каждый второй... Да что вы, в самом деле?!

– Ты не плюй! – осадил его Вашкевич. – Расплевался тут... А подтирать твою гадость кому?

– Да что тут обидного? – не сдавался Нищенко. – Шутка просто... Ведь в самом деле, мало на флоте...

– Ты ещё теорию Геббельса нам растолкуй! – предложил мичман Николай Лосев.

– А мы тебя к Железному кресту представим... – добавил Анатолий Стребькин.

– Кретины! – не выдержал Нищенко. – Да если хотите знать, уменя...

– С тобой, Витя, хорошо дерьмо вместе жрать, – неожиданно произнёс Юра Нуждин. – А знаешь, почему? У тебя язык впереди ума поспекает: тут ещё подумать не успеешь, а твой язык уже слизнул да выплюнул.

Нищенко выскочил из отсека, оставив в отсеке брезгливый дух досады.

– Надо же! – только и сказал Пётр Грудин.

– Да не со зла он, – примирительно выговорил Яша Лемперт. – Что уж теперь...

А в это время...

Тихий океан, 45° 41' северной широты, 138° 56' западной долготы

При ясной погоде по океану в кильватер движутся две подводные лодки: впереди – Л-16, за ней на дистанции примерно трёх кабельтовых – Л-15. На флагштоках чётко видны советские военно-морские флаги – с алыми звездами на бело-голубом. Кажется, ничто не нарушает покой безмятежного простора: в небе ни облачка, в море – ни единого дыма или перископа. Только

где-то на горизонте маячит темно-серый силуэт эсминца – надо надеяться, американского. И вдруг...

Лодка, идущая впереди, словно встаёт на дыбы. Два взрыва в корме заставили её вздрогнуть всем стальным телом и, как подраненную, наполовину осесть в пасть огромной обратной волны. Секунд через сорок под воду скользнул и задранный к небу, будто в отчаянной мольбе, серый, роняющий мутные потоки нос. Всё было кончено.

Вторая лодка, на миг споткнувшись, ринулась было влево, вправо, опять влево – и сделал два выстрела в сторону невидимого врага, как-то скорбно ушла своей дорогой...

Два месяца спустя

Москва, Кремль, 30 декабря 1942 года

В кабинет Верховного Главнокомандующего, где сидят Сталин и Молотов, входит нарком ВМФ Кузнецов.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Здравствуйте, товарищ Кузнецов. Впрочем, мы уже здоровались по телефону... Скажите, как понимать вот эту телеграмму президента Соединенных Штатов Америки? Прочтите, пожалуйста, а мы послушаем.

Кузнецов, взяв в руки протянутый листок, читает:

– *«Я обратил внимание на радиосообщение из Токио о том, что... в Тихом океане японская подводная лодка потопила подводную лодку союзной нации. Вероятно, это сообщение касается Вашей подводной лодки Л-16, потопленной противником... в то время, когда она находилась в пути в Соединенные Штаты с Аляски... я посылаю Вам выражение сожаления по поводу потери Вашего корабля с его доблестной командой и выражаю мою высокую оценку вклада, который вносит в дело союзников также Ваш доблестный Военно-Морской Флот в дополнение к героическим победам Вашей армии».*

– Что скажете, товарищ Кузнецов?

– Как я вам докладывал, товарищ Сталин...

– Мы помним, что именно вы докладывали. В тот момент вы не могли с точностью сказать, чьи торпеды потопили Л-16. А главный свидетель – командир лодки Л-15, капитан-лейтенант Комаров... так, кажется?

– Так точно, товарищ Сталин!

– ...он вообще, по сообщению нашего Генерального консула в Сан-Франциско Ломакина, плёл всякую чепуху. То, видите ли, обе лодки погрузились для дифферентовки, а всплыла почему-то только одна. То он лично наблюдал взрыв торпеды, а сам уклонился от столкновения с вражеской подводной лодкой... Он что, врал нам, этот Комаров?

– Никак нет, товарищ Сталин. Василий Исакович Комаров – командир опытный и мужественный. Он сумел в чрезвычайных обстоятельствах не только спасти свою лодку от участи Л-16, но и, несмотря на жесточайший приступ аппендицита, успешно довести её до Сан-Франциско. Уже при входе в базу лодку чуть не таранил американский транспорт – спасла только мгновенная реакция нашего командира. А разночтения в его информации вызваны тем, что в первый день по прибытии в Сан-Франциско он вынужден был докладывать о происшествии в присутствии американских представителей. Видимо, не имея достоверных сведений и опасаясь повредить союзническим отношениям, он и придумал легенду о дифферентовке...

– Хорошо. Допустим, что Комаров – молодец. Ну, а мы? Мы уверены сегодня, что нашу лодку потопили действительно японцы?

– Есть кое-какие странности, товарищ Сталин.

– Я бы сказал – слишком много странностей! Во-первых, почему в районе движения наших лодок, как мне докладывали, в тот день оказался неопознанный корабль? Во-вторых, каким образом японская подлодка И-25, которая ставит себе в заслугу торпедирование нашей Л-16, вообще попала в эту акваторию, если накануне вела бой с американцами совсем в другом месте? В-третьих, до нас дошли разговоры некоторых офицеров США о том, что Л-16 могла стать жертвой случайной атаки американской подлодки «SS-31». Во всяком случае, по словам специалистов, её перископ очень похож на тот, который появился незадолго до взрыва в той же акватории. И наконец... почему президент Соединённых Штатов только теперь, спустя два месяца, счёл необходимым выразить нам своё соболезнование? Как сообщал товарищ Лома-

кин, о гибели советской подлодки военные власти Сан-Франциско были поставлены в известность уже через неделю после трагедии...

– Столько случайностей – нарочно не придумаешь! – проговорил Молотов.

Сталин взял в руки телеграмму Рузвельта и пошёл по кабинету, будто снова и снова вчитываясь в неё.

– Конечно, в мирное время мы провели бы тщательное расследование всех обстоятельств случившегося... Но нет пока у нас мира, нет! А союзники – есть! И с этим приходится считаться. А? Видимо, так рассуждал товарищ Комаров?

– Верно, Иосиф Виссарионович! – кивнул Молотов.

– Так точно, товарищ Сталин, – откликнулся Кузнецов.

– И что же мы ответим Его Превосходительству господину Рузвельту? Притворимся, что поверили, и поблагодарим за соболезнование? Нет! На этот раз мы просто... промолчим! Надеюсь, союзники простят нам небольшое нарушение дипломатического этикета... Но консульская служба, товарищ Молотов, пусть до конца разберётся в этой истории. Мы не можем доблестью нашего Флота, о которой пишет президент, оплачивать такие, с позволения сказать, случайности.

Но экипажи комдива Трипольского ещё не знали о судьбе Л-16. Они шли тем же маршрутом – на Сан-Франциско.

В шестом отсеке, как всегда, собрались свободные от вахты краснофлотцы. Анатолий Стребыкин и Казимир Вашкевич заняты выпуском «Морского ежа» – сатирического листка. Из-под карандаша Вашкевича постепенно возникает картинка: матрос у стола извергает потоки английских фраз, а один из слушателей видит во сне себя, вручающего девушке букет ромашек. Вася Глушенко, заглянув художнику через плечо, восклицает:

– Ты дывысь, як наш Павло до Галынки зальцяется!

Павел Плоцкий срывается с рундука и тоже пытается увидеть рисунок, но Анатолий отгораживает его от стола: «Потом, потом!»

– А что там? Почему я?

Вашкевич напоминает:

– А кто кемарил вчера на занятиях по английскому?

– Так я ж после вахты! Замёрз как бобик...

– А дисциплину, Бобик, ещё никто не отменял! – внушает Вашкевич.

В углу Николай Фадеев рассматривает нож в кожаном чехле, купленный в Датч-Харборе Стребыкиным.

– Толя, и сколько стоит эта штука?

– Три доллара.

– Ого! По-моему, тебя облапошили...

– Да ты что! – возражает Сергей Чаговец. – Это ж музейная редкость! Может, этим ножом какой-нибудь вождь краснокожих сто лет назад скальпы снимал!

– Скорее, алеутка недавно рыбу резала... – замечает Александр Морозов, отрываясь от книжки.

– Да ну вас! – отмахивается Стребыкин от хохочущих товарищей. – Вы гляньте, какой там кожаный чехол!

Фадеев разглядывает чехол и, понюхав, заключает:

– Правда, рыбой воняет!

– Не слушай ты их, – успокаивает Вашкевич Анатолия. – Хороший нож! Такой же, кажется, за доллар продавался.

Под смех товарищей Стребыкин отбирает нож и прячет в рундук:

– Ничего! За то, чтоб его фашисту в глотку воткнуть, три доллара не жалко!

- Вот тут ты прав! – поддерживает Чаговец.
- Разговор прерывается сигналом боевой тревоги и командой:
- По местам стоять! Швартовы приготовить!
- Неужели Сан-Франциско?! – слышен чей-то возглас.
- Моряки стремглав разбегаются по постам.

33-й день похода

Вальехо, Сан-Франциско, США. 7 ноября 1942 года

На пирсе судоремонтного завода – большая толпа: рабочие, американские моряки, жители окрестных кварталов с детьми, русские эмигранты... Кроме любопытства, их привел сюда слух о том, что после торжественного подъема флага русские обещали разрешить пройти на советские подводные лодки и даже провести экскурсии по ним. Одни верят этим слухам, другие – нет, но само присутствие военных кораблей из далёкой воюющей России явно взбудоражило полусонный городок.

Через узкий островок Мар Айленд в сторону залива Сан Пабло ветер уносит звуки марша, который играет на берегу военный оркестр. Когда он стихает, рынды на подводных лодках отбивают склянки. И с последним ударом, возвестившим восемь часов утра, на С-54 раздаётся зычная команда капитан-лейтенанта Братишко:

– Равняя-яйсь! Смир-р-рно! Флаг, гюйс и флаги расцвечивания поднять!

Над остальными лодками звучат такие же слова, и по флагштокам медленно поднимаются шелковые стяги. И хотя моряки за время службы успели привыкнуть к церемонии, но сейчас лица у них по-особому одушевлены: похоже, вдали от Родины всё это волнует иначе.

По пирсу к лодке подходит командир дивизиона капитан 1 ранга Трипольский, легко избегает по трапу и произносит:

– Товарищи краснофлотцы и старшины! Товарищи офицеры и политработники! Поздравляю вас с 25 годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

В ответ над головами собравшихся прокатилось могучее троекратное «ура-а-а!», всполошив стаи оглушённых чаек, а на берегу раздались щедрые аплодисменты.

– Приказ Народного комиссара обороны СССР № 345 от 7 ноября 1942 года, – читал Троепольский. – ... Двадцать пятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции народы нашей страны встречают в разгаре жестокой борьбы против немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Европе. В начале этого года... Красная Армия... взяла в свои руки инициативу, перешла в наступление... показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть немецко-фашистские войска. Однако... воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метелку... Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге... Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! От вашего упорства и стойкости, от воинского умения и готовности выполнить свой долг перед Родиной зависит разгром немецко-фашистской армии... Будет и на нашей улице праздник!

Когда над строем снова понеслось матросское «ура», Анатолий Стребькин не сдержал улыбки и подтолкнул локтем Сергея Чаговца:

– Глянь, старушка всплакнула. Не иначе – русская...

Действительно, седая женщина в платке, стоявшая почти на краю пирса, достала из сумочки платок и осторожно промокнула глаза. Её спутник, статный, но тоже покрытый шапкой седых волос, наклонившись, что-то шепнул – видимо, успокаивающее, на что старушка в ответ кивнула и благодарно сжала его локоть.

– На ней платок как у моей мамы, – проговорил Яков Лемперт, – Тоже пуховый и светло-коричневый.

– А вон туда посмотрите, – мотнул головой Чаговец.

В стороне от толпы, опершись на высокую ограду пирса, стоял человек в тёмном длинном пальто. Лицо его, в отличие от остальных, казалось неподвижным и даже угрюмым. Но когда народ двинулся, готовясь ступить на борт подлодки, он оказался у трапа в числе первых.

Вместе с Юрой Нуждиным командир группы движения Донат Негашев, тоже владевший английским, старался поделикатнее объяснить публике, что экскурсии по лодке не планировались: военный корабль – не место для прогулок. Но две-три группы, в основном – из рабочих, которым предстояло проводить на лодке кое-какой ремонт, пришлось всё же сформировать и в сопровождении офицеров провести по кораблю. Пробились в эти группы и старушка в пуховом платке со своим седовласым спутником, и мужчина с неподвижным лицом. Старушка то и дело гладила то перила трапа, то переборки, то заправленные матросские койки.

– Ощупывает – будто слепая! – едва слышно сказал Чаговцу Стребыкин.

Но седой, то ли услышав, то ли угадав, попытался оправдаться за неё:

– Мария Гавриловна – русская. Наш старший сын был морским офицером, погиб в семнадцатом. . .

«Угрюмый», как прозвали между собой моряки второго мужчину, больше разглядывал механизмы. Оказавшись в дизельном отсеке, он напрямую спросил Негашева:

– Лодка-то немецкая?

– Вы имеете в виду – трофейная? – не удивился Негашев русскому языку ещё одного посетителя.

– Я имею в виду – купленная в Германии! – почти раздражённо пояснил Угрюмый. – Ведь не станете же вы утверждать, будто Советы сами могут делать подводные лодки!

– Что ж в этом удивительного? – улыбнулся Негашев. – Я обратил внимание, как дотошно вы разглядывали таблички на механизмах. Нашли хоть одну иностранную?

– Ну, таблички и сменить недолго! Неужто и вправду этот дизель, – ткнул он пальцем и произнес по слогам, – мэйд ин Ко-лом-на?!

– А вы после войны приезжайте в Коломну – увидите сами!

– Если после войны она ещё останется, Коломна ваша!

– Не надейтесь – останется! – понял, с кем имеет дело, Негашев.

Вечером в советском консульстве состоялась необычная встреча. По лицу Генерального консула Якова Мироновича Ломакина было видно, что разговор предстоит отнюдь не праздничный. Оглядев сидевших за большим столом офицеров, Яков Миронович официально представил всем военно-морского атташе капитана 2 ранга Егоричева, затем командира дивизиона прибывших подлодок Трипольского, командиров всех четырех субмарин и наконец двух американских гостей – командующего Западным морским округом США вице-адмирала Гринслэйда и командующего флотилией подводных лодок контрадмирала Фригделла.

– Товарищи! Господа! – начал консул. – Я вынужден начать с того, что. . . Одним словом, наши командиры ещё не знают, что на переходе из Датч-Харбора в Сан-Франциско погибла советская подлодка Л-16. . . Подробности я сообщу вам позже, – прибавил он в ответ на недоуменные взгляды новоприбывших моряков. – А сейчас предлагаю почтить память командира лодки Л-16 капитан-лейтенанта Дмитрия Фёдоровича Гусарова и всего экипажа.

Присутствующие встали в скорбном молчании, после чего консул продолжил:

– Мы, как союзники, должны обсудить и вместе принять все меры, чтобы исключить повторение трагедии, а значит – обеспечить успешное завершение перехода наших кораблей на северный театр военных действий. Прошу высказываться, господа. . .

– Наше командование, – начал вице-адмирал Гринслэйд, – сделает всё возможное, чтобы помочь доблестным русским морякам. Прежде всего, мы гарантируем своевременный и качественный ремонт ваших субмарин во время пребывания как в Сан-Франциско, так и на Панамском канале в Коко-Соло, и на базе Гуантанамо на Кубе – словом, везде, где это потребуется.

– Благодарю вас, – кивнул Ломакин.

– Кроме того, – с достоинством продолжал Гринслэйд, – как и следует из межправительственных соглашений, американская сторона предоставит русским морякам в пунктах перехода до 500 тонн топлива и 50 тонн моторного масла. Ваши корабли будут беспрепятственно заправляться пресной и дистиллированной водой, а также в достаточном количестве получат продовольствие...

– Простите, сэр, – с некоторым нетерпением прервал его консул. – Поверьте, советская сторона высоко ценит материальную помощь американского командования. Но сейчас хотелось бы услышать не только это. Как обеспечить большую, чем до сих пор, безопасность наших кораблей на время этого, без преувеличения, небывало трудного и, как мы убедились, опасного плавания – вот в чём вопрос.

– Я вас понимаю, – отвечал командующий округом без видимой обиды за нарушение дипломатического этикета.

– Из мер, о которых вы упомянули, – подхватил Фригделл, – мы готовы предложить, во-первых, эскортирование ваших субмарин американскими военными кораблями на всём пути до Канады. А во-вторых, обеспечить присутствие наших офицеров связи на каждой русской лодке, чтобы избежать возможных инцидентов при встречах с американскими кораблями или самолётами.

– Благодарю, – принял предложение Ломакин. – Вот это уже конкретные вещи!

На концерте, который на следующий день моряки давали в советском консульстве с приглашением членов Общества русских эмигрантов, было не протолкнуться. Оказались тут и Мария Гавриловна со своим неотлучным спутником, и Угрюмый.

– Слова Савинова, музыка народная, – объявил со сцены Александр Морозов, – «Вижу чудное приволье». Исполняет старшина Пётр Грудин.

...Это русские картины, Это родина моя!

– заливался Грудин, будто и не просидел больше месяца почти безвылазно в душных, прогорклых трюмах.

**Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья.
Это русская сторонка,
Это родина моя!**

Мария Гавриловна слушала как замороженная, грустно улыбаясь и часто поднося к глазам свой вышитый платочек. А когда баритон Сергея Чаговца запел о волжском утёсе, потом о Ермаке, объятый думой, – слёзы покатились по её щекам безостановочно, и спутник, уже не пытаясь вернуть ей спокойствие, сам то и дело стал закусывать губу. Зал провожал каждого исполнителя щедрыми овациями. Чувствовалось, что для каждого из присутствующих это был не просто концерт, а долгожданное волнующее свидание – с родиной, с молодостью, с давними, полузабытыми мечтами. Угрюмый, однако, сидел непроницаемый.

– Вот гад! – шепнул Чаговец, углядев его сквозь просвет занавеса. – Чего ж пришёл, если зубами скрежещешь?

– Недобитый, наверное, – предположил Стребькин.

– А теперь сюрприз, – внезапно заявил с подмостков Александр Морозов. – Вчера у командира нашей подводной лодки капитан-лейтенанта Братишко был день рождения. И

мы решили посвятить ему песню – «Песню о братстве». Слова, можно сказать, народные, а музыка... В общем, музыку тоже подбирали вместе – вы её, конечно, знаете.

Они пели от души – Александр Морозов, Петр Грудин, Сергей Чаговец, Николай Фадеев да ещё два офицера: механик Донат Негашев и штурман Константин Тихонов. По лицу сидевшего в зале Братишко понятно было, что никто не выдал ему секрет заранее, – чувствовал он себя смущённо, но, вслушавшись, стал даже постукивать ногой в такт.

А песню, которая шла под мотив «Трёх танкистов», зал принимал очень даже душевно.

**В день, когда мы приняли присягу,
Мы внезапно поняли с тобой:
Друг без друга мы теперь ни шагу —
Вместе в строй, на камбуз или в бой.**

**Слов красивых попусту не тратя,
Не уступим никакой беде.
Моряки мы! Это значит – братья,
Если не по крови – по судьбе.**

**Палубы, каюты и отсеки
Стали нашим домом на года.
Сквозь туманы в каждом человеке
Здесь душа прозрачна, как вода.**

**Не видать ни дна и ни покрывки
Пожелать нам хочется себе.
Командир у нас – и тот Братишко:
Если не по крови – по судьбе.**

**Нам от шторма прятаться не надо:
Побратимы – мы и корабли.
Мы согреты материнским взглядом
Даже в море на краю земли.**

**Этой ласки теплота и сила —
Как награда высшая тебе.
Ты одна нам матушка, Россия, —
По любви, по крови, по судьбе.**

Аплодисменты зала гремели так долго и настойчиво, что стало ясно: они адресованы не только исполнителям, но и имениннику. Братишко вынужден был встать и, с признательностью подняв руки к сцене, с поклоном обернулся к зрителям.

– Старинный матросский танец «Яблочко»! – звонко объявил Морозов. – Исполняет трио мотористов подводной лодки С-54. Аккомпанирует Сергей Колуканов.

Сергей нарочито вразвалочку вышел на середину сцены, враспашку развёл баян – и, заставляя вздрагивать дощатые подмостки, пошла из края в край ядрёная флотская пляска. То скрепящаяся в широком шаге, то с отяжкой рассыпая дробь, то взвихривая клешами легкую пыль, моряки заставляли весь зал и хлопать в такт, и вскакивать, чуть не вторя движениям танца, и вскрикивать под залихватское «эх!», пока не разразился под крышей старого особняка всеобщий безудержный восторг, в котором слилось всё: и заразная мощь музыки, и

наслаждение пленительным мужеством танца, и радость видеть этих крепких парней, не растерявших в суровых походных буднях непобедимую радость жизни. А когда в завершение концерта раскрасневшиеся артисты встали плечом к плечу и запели гимн своей воюющей Родине Интернационал, то не одни лишь работники советского консульства или офицеры-подводники, а весь зал стоя слушал:

**...Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой!**

– Это пропаганда! – вдогонку гимну раздались выкрики в зале. Один из них, как заметил Анатолий Стребькин, принадлежал Угрюмому. Видно было, как под взглядами и репликами соседей он озирался, огрызался, снова вскрикивал какие-то недобрые слова, пока не растворился в расходившейся людской массе.

Тем временем Мария Гавриловна вместе со спутником нашла у сцены Братишко и стала его просить:

– Господин командир, позвольте мне принять у себя дома группу российских моряков. Я вас очень, очень прошу... Мне так... Я... Ну, пожалуйста! Хоть ненадолго...

– Дмитрий Константинович, я думаю, надо уважить землячку, – заметил Трипольский. – Надеюсь, ребята не подведут? – полувопросительно оглядел он сгрудившихся матросов.

В гости отправились вшестером: Нищенко, Нуждин, Стребькин, Лемперт, Жигалов и Новиков. Мария Гавриловна со спутником жила недалеко, возле парка Каствуд, на углу Розвуд-авеню и Вествуд-стрит – моряки сумели прочесть незнакомые названия даже без помощи «полиглота» Нуждина.

– А что это у них всё «вуд» да «вуд»? – только полюбопытствовал Яков.

– Слушать надо на занятиях, а не спать! – не преминул укорить его Юрий. – Дома объясню!

– Сколько слёз я пролила, пока выучила эту речь! – рассказывала старушка, хлопоча у стола. – Бывало, пойдёшь куда – только на пальцах и объясняешься. Но жизнь всему научит, – вздохнула она. – я и бельё людям стирала, и кухаркой была, и детей нянчила. Только писать по-английски по-прежнему не могу. А вот сын наш младшенький – тот уже совсем американец, русского языка почти не помнит. Хоть и родился в Курской губернии.

– Так мы, бабушка, почти земляки с вами, – воскликнул Жигалов. – Орловский я!

Мария Гавриловна всплакнула и всё куталась, куталась в свой пуховый платок...

В небольшой кухоньке её, в углу, висела икона под льняным полотенцем с орнаментом.

– Память о России, – проговорила старушка. – Да ещё вот это... Она показала старый, обитый жёстью расписной сундучок.

– С тем и помру, наверное, – не к месту улыбнулась она и снова утёрла глаза: – Вот привёл Господь перед смертью повидать русских людей...

Муж её, голубоглазый, с глубокими морщинами на длинноватом лице, оказался профессором университета с украинской фамилией Кавун. Он повёл гостей по винтовой лестнице на второй этаж, в свой кабинет, сплошь обставленный книжными шкафами.

– Располагайтесь, племя младое, незнакомое... Знаете, кому принадлежат эти слова? – поинтересовался как бы невзначай.

Стребькин с товарищами потупились было в некоторой растерянности, но Морозов с Нуждиным не подкачали:

– Пушкин! – выпалили в один голос.

– Верно, – почему-то возрадовался старик. – А вот в этих креслах, где сидите вы...

Ребята враз заёрзали, ожидая новых великих имён. И почти не ошиблись:

– ...сживали Максим Горький, Владимир Маяковский, Ильф и Петров. Я, кстати, пишу сейчас воспоминания об этих встречах... Знаете, я бы очень хотел познакомить вас со своими студентами – жаль, времени у вас мало. Может быть, как закончится эта проклятая война... А то ведь некоторые из них думают, что вы – действительно красные. То есть – краснокожие!

И Кавун заклокотал слабеньким, хрипловатым смехом.

На прощание он пожал всем руки, а Морозову, с которым весь вечер проговорил о литературе, даже подарил трубку.

– А чего это у неё голова чёрта? – любопытствовал Александр Новиков, когда они вышли на улицу.

– Мефистофель это! – пояснил Морозов. – О нём писал великий Иоганн Вольфганг фон Гёте.

– Немец? – возмутился Новиков. – Да чтоб я одним духом с немцем дышал?!

– Не всякий немец – фашист. А книги Гёте Гитлер сжигал на уличных кострах, понял? Неожиданно они услышали сзади взволнованный крик:

– Рашен! Рашен сейлорз!

К ним подбежала молодая женщина с пышной, сбившейся причёской.

– Сорри, простите... – заторопилась она объяснить своё появление на вечерней улице. – Вы так громко говорили... – смущённо улыбнулась. – Вы русские! А я из Владивостока – там мама в 19-м году вышла замуж за американского солдата... Она очень много рассказала... правильно я говорю – рассказала?

– Рассказывала, – поправил Нуждин.

– Да, рассказ...зы-ва-ла о России... Но она долго болела и умерла, оставила меня с маленьким братишкой... Теперь я работаю, чтобы его кормить. Здесь недалеко, в ночном клубе для моряков. Война... – закончила она грустно. – А у вас в России есть девушки для моряков?

– Наши девушки работают на заводах, – почти зло ответил ей Стребыкин. – Или воюют!

– Воюют? Но война – не женское дело! А на заводах... это ведь так тяжело!

– А ты слышала про Зою Космодемьянскую? – спросил Нуждин.

– Зоя? Разве есть такая кинозвезда?

– У неё звезда поярче – звезда Героя Советского Союза!

– О-о, это, наверное, очень популярная звезда... Вы её любите?

– Уж конечно! – в сердцах проговорил Нищенко.

– Так это ваша девушка? – повернулась к нему незнакомка. – А она вас любит? И ждёт? Ребята только молча переглянулись.

– Я вижу, вы торопитесь на службу... Но я так счастлива, что смогла встретиться с русскими!.. Сорри, сегодня я очень устала – было много клиентов. Но завтра... Приходите завтра в клуб моряков. Я постараюсь... у нас много хороших девушек... вам будет весело!

Она сделала воздушный поцелуй и, помахав рукой, скрылась в темноте.

Нищенко брезгливо сплюнул и сжал кулаки:

– Вот тварь! «Будет весело!»...

– Витя! – приобнял его Лемперт. – Она не виновата – слышал ведь: братишку надо на ноги поставить...

– А я бы, пожалуй, не отказался, – мечтательно зажмурился Новиков. – Чуток старовата, но ещё вполне...

– Знаешь! – схватил его за грудки Нищенко. – Я тебе сейчас... морду твою сопливую...

Отнимать от него щупловатого Новикова бросились уже и Стребыкин, и Нуждин.

– Да я как представил, что моя... могла бы вот так... в клубе для моряков!..

– Ох, братцы, скорей бы в бой! – вздохнул Жигалов.

А в это время...

– Ну что ж, помянем Дмитрия Федоровича Гусарова... Невесёлый нынче праздник получается! – проговорил Трипольский, стоя в своей каюте на флагманской С-56 в окружении командиров «эсок».

– Я хорошо его знал, Александр Владимирович, – вымолвил Григорий Иванович Щедрин. – Сильный был командир, настоящий...

Выпили сурово, не чокаясь.

– И полпути не прошёл, – продолжил Лев Михайлович Сушкин.

– Ему и по службе ещё бы идти да идти! – добавил Трипольский, вкладывая в свои слова уже другой смысл.

– Интересно, как там Комаров движется?.. Может, нам сподручней теперь всем вместе плыть? – предположил Братишко.

– Путь ещё долгий, – не то поддержал, не то усомнился комдив.

– Давай-ка, Дмитрий Кондратьевич, мы за тебя выпьем. Как там ребята твои спели? «Не видать ни дна и ни покрывки нашему Братишке»?

– А молодцы, в самом деле! – восхитился Иван Фомич Кучеренко. – Такую песню сочинили! Надо бы слова переписать – пусть и мои разучат.

– А Кучеренко с братишкой не рифмуется! – съехидничал Сушкин.

– Ничего, там речь о братстве – это важнее рифмы.

– Погодка-то портится, – заметил Братишко, когда стали расходиться по кораблям.

– Если тучки сбились в кучки, жди хорошего дождя, – продекламировал Сушкин. – Так мои земляки говаривали.

– А дождь – к удаче! – подхватил Кучеренко.

– Ну, братцы, до следующей встречи, – обнял друзей Трипольский. – Держать курс!

– Есть держать курс!

Седьмая неделя похода

Тихий океан

Ровно стучат дизеля, безостановочно и мощно вращаются винты, вспенивая за кораблём белоснежный след. На расстоянии нескольких кабельтовых, в кильватер друг другу идут вторая, третья, четвёртая лодка. И за каждой остаётся такая же ослепительная полоса. Да и весь океан сверкает на солнце – иной раз кажется, что оно бьёт прямо из-под воды. Командир С-54 Дмитрий Братишко и зенитчик Пётр Грушин на мостике вынуждены нести вахту в тёмных очках.

На перекур выбираются на палубу ещё несколько человек – Александр Морозов, Анатолий Стребыкин, Сергей Чаговец. Следом появляется офицер связи лейтенант Орлов – из числа приданных дивизиону американских сопровождающих. На Морозове тоже солнцезащитные очки, но не такие, как у вахтенных, а щеголеватые, в роговой оправе, с фирменными наклейками в уголках стёкол.

– В Сан-Франциско приборохлился, что ли? – любопытствует Чаговец.

– Ну, ты скажешь! «Приборохлился»... Это чейндж! – с достоинством отвечает Морозов.

– Подарок?

– Вроде того. От девушки. Я ей – красную звёздочку, она мне – очки. По-ихнему – чейндж, по-нашему – обмен.

Услышав это, лейтенант Орлов иронически хмыкнул – даже поперхнулся дымом.

– Обмен называется! Девушка вам – полезную вещь, а вы ей – что, химеру?

– Между прочим, това... тьфу!.. господин лейтенант... эти «химеры» сейчас сражаются с нашим врагом. И вашим, кстати, тоже! А девушке моя звёздочка очень даже понравилась!

– Ну, вашими звёздочками врага не закидаешь. Что и видно!

– Чего ж вы второй фронт никак не откроете? – вмешался Чаговец. – Закидали бы своими... что у вас там...

– Придёт время – откроем! – Орлов отвернулся, не желая продолжать разговор.

– Они ждут, пока Россия сама немцам рога скрутит. А потом придут на готовенькое – добычу делить, – вставил Стребыкин.

– Россия – сама?! – Орлов в голос расхохотался. И, вдруг посуровев, заявил, как с трибуны: – Россию спасут только Бог и Америка! Америка – самая сильная держава!

– Ну да! «Мы сидели у вагоне и толкали паровоз», – продекламировал Чаговец. – А у самих только жвачка на уме да проститутки в салонах.

– А кто вам ремонтировал корабль: менял прогоревшие заглушки дизелей, сделал вот эту крышу над ограждением мостика? Разве не американские рабочие?

– Правда, – согласился Стребыкин. – Но при этом Том Силвер, слесарь, говорил, что, мол, сейчас хорошо: пока есть война – есть работа... Нет, вы поняли? – повернулся он к товарищам. – У нас люди под бомбами гибнут, а ему хорошо! «Есть война – есть работа!»

Орлов презрительно сплюнул за борт и стал спускаться по трапу вниз.

– Культура аж прёт! – проговорил вдогонку Морозов.

Спустя несколько минут на палубу вышел замполит лейтенант Шаповалов.

– Жалуется на вас американец, – пожурил он матросов. – Пропагандой, говорит, занимаетесь, в коммунистическую веру хотите его обратить...

– А он не занимается?! «Только Бог и Америка спасут Россию!»...

Шаповалов усмехнулся:

– Да? Но всё же вы не шибко... Нужен вам этот янки, как подлодке – дымовая труба! Пусть себе шипит... А очки у вас, Морозов, и вправду, я смотрю, щегольские...

Морозов снял очки и протягивает замполиту:

– Дарю, товарищ лейтенант.

– Ну что вы! Дарёное не дарят.

– Да жарко в них! Даже нос вспотел, – сетует Морозов под смех друзей.

– Нет-нет, оставьте себе – на память об Америке. Да и без них, думаю, не прохладнее.

– Внимание, записываю в вахтенный журнал: «18 ноября 1942 года, 14 часов 15 минут –

Прошли северный тропик – тропик Рака!» – сообщает из рубки командир штурманской БЧ-1 лейтенант Константин Тихонов.

– Ничего себе, северный! – отозвался Сергей Чаговец. Он взялся было за перила трапа, но тут же, ожёгшись, отдёргнул руку. – Не лодка, а сковородка.

– На вас не угодишь, – рассмеялся Шаповалов. – То мороз вам не по вкусу, то жара...

– Домой бы! – поплевав на руки перед тем, как взяться за поручни, сказал Морозов. И дым Отечества нам сладок и приятен. Хотя... – сдержался, подумав, – нынешний дым уж даже горький...

В этот момент звучит сигнал учебной боевой тревоги и команда:

– По местам стоять! Начать тренировки по борьбе за живучесть корабля!

Бегом, но привычно, без суеты, занимают моряки места по боевому расписанию. Электрики осматривают моторы, трюмные проверяют системы, комендоры расчехляют пушки и наводят их на условные цели.

По громкой связи разносится голос капитан-лейтенанта Братишко:

– Температура воздуха – до 40 градусов по Цельсию, забортной воды – 28 градусов. Охлаждать машины она не успевает. В связи с этим, во избежание перегрева и серьёзных поломок техники, командиру группы движения приказываю действовать по схеме: один дизель работает на винт, другой в резерве, на техосмотре. И так – через сутки.

Мотористы Яков Лемперт и Михаил Богачёв выводят один из дизелей. Старшина команды мичман Николай Лосев спускается под паёлы и пробирается к шатунам:

– Ну-ка, мальчики мои, как вы тут?

– Не горячо, товарищ мичман? – спрашивает Пётр Грудин. – Может, помощь нужна?

– Сюда бы венчик сейчас! – мечтательно откликается Лосев. Лицо его покрыто испариной, тельняшка потемнела от пота. – Как-никак, удалые они у меня – по 2100 лошадак в одной упряжке!

– Отбой учебной тревоги! – звучит команда.

Комендор Петр Иванов, несущий наблюдение на мостике, оперся было о переборку, но тут же отдёргивает ладонь: жжётся!

Оглядывая океан, внезапно докладывает:

– Слева тридцать, дистанция два кабельтова, плавающий круглый предмет!

Братишко, который находится тут же, в рубке, стремительно вскидывает к глазам бинокль – и с каким-то особым, охотничьим азартом командует:

– В центральном! Срочно на мостик – винтовку и патроны!

Иванов в недоумении:

– А тревогу? Тревогу объявлять?

– Не стоит, – смеётся командир. – Я думаю, сами справимся.

Пока приносят винтовку, объясняет:

– Это морская черепаха. Берег близко – вот они и нежатся в тёплой водичке...

Знойную тишину нарушает одиночный выстрел. И через несколько минут петля бросательного конца, метко брошенная Ивановым, охватывает огромный панцирь морского животного. Свободные от вахты матросы, высыпающие на палубу на звук выстрела, помогают втащить черепаху на борт, после чего все вместе неловко пытаются её разделить. Наконец панцирь

вскрыт, и Демьяну Капиносу доверяют ответственное задание – сварить черепаший суп. Это ему удаётся на славу: подтверждение тому – явное удовольствие на лицах обедающей команды.

– Нет, всё же в тропиках жить можно! – констатирует Михаил Богачёв. – А то я в этой духоте совсем аппетит потерял.

– Ты, рыцарь бачка и чумички, аппетит потерял?! – изумляется маленький Александр Капелькин, товарищ Михаила по группе мотористов. – Братцы, он по три котлеты в ужин глотает!

– Так то в ужин, – оправдывается Богачёв, – когда жара спадает...

Несколько дней спустя

Всё так же сверкает океанская гладь, и ещё жарче пылает солнечный круг.

Николай Фадеев под наблюдением командира штурманской БЧ-1 Константина Тихонова опускает в море термометр и докладывает:

– Температура забортной воды – плюс 28 по Цельсию.

Получив данные, капитан-лейтенант Братишко нахмурился:

– Совсем плохо! Мало того, что людям тяжело, – техника может не выдержать. В отсеках – до 50 градусов, заряжать аккумуляторные батареи даже опасно: газовыделение такое, что того и гляди, на собственном водороде взорвёмся.

– Возле дизелей ещё больше – градусов на пять, – с тревогой добавляет Донат Негашев. – Масло сквозь прокладки компрессоров и накатников пушек брызжет чуть не фонтанами!

– Снарядный погреб вообще под угрозой взрыва. По инструкции надо бы его затопить, – говорит командир минно-артиллерийской БЧ лейтенант Сергеев.

– А что в итоге, Василий Константинович? – спрашивает Братишко. – Останемся безоружными?

– Инструкция... – разводит руками Сергеев.

– От нас на Родине не инструкцию ждут, а корабль. Боеспособный корабль! – твёрдо заключает Братишко, давая понять, что сетовать на обстоятельства бессмысленно. – Людей надо поддержать – вот что главное. Кока ко мне!

На мостик выскакивает Демьян Капинос.

– Слушаю, товарищ капитан-лейтенант!

– Как со льдом?

– Холодильник работает на полную мощность.

Половину льда придётся отдать на охлаждение погреба боезапаса...

– Есть!

– ... а вторую половину выдавать личному составу порциями. В первую очередь – вахтенным дизелистам и мотористам.

– Есть выдавать порциями!

– И компот...

– Да они, товарищ капитан-лейтенант, кроме компота, вообще от еды отказываются!

– Ну так и удвойте норму компота!

– Пресной воды может не хватить, Дмитрий Кондратьевич, – замечает Негашев.

– Прикажите запустить дистиллятор – будем забортную опреснять. Вода нужна и электрикам, и акустикам, и радистам...

– Есть ещё просьба... Разрешите ночью мотористам спать на верхней палубе, у пушки. Пусть хоть ночью подышат свежим воздухом.

– Лады! Только поаккуратней, а то будем кричать «человек за бортом!» – всю Америку разбудим...

У дистиллятора колдуют Чаговец и Стребыкин. Аппарат выдаёт воду каплями, зато с самих моряков пот стекает ручьями.

– Не жар-птица, а жар-машина какая-то! – ворчит Стребыкин. Виктор Нищенко, несущий вахту по соседству, у главных электромоторов, кричит им в трюм:

– Эй, самогонщики! Кончайте жару поддавать – заживо, что ли, сварить хотите?

– Любишь пить – умей вертеться! – отшучивается Чаговец.

Внезапно сверху раздаётся голос Виктора Бурлаченко:

– Братцы, дождь! Айда наверх купаться!

Сам он хватает в отсеке мыло, полотенце и выскакивает на верхнюю палубу. Следом – еще несколько краснофлотцев. Наверху и вправду льёт освежающий дождик. Тучка, впрочем, небольшая, но и она дарит это неожиданное счастье. Братишко с усмешкой наблюдает, как ликующе танцуют моряки под дождевыми струями. Но дождь заканчивается неожиданно, как и начался. Моряки с сожалением прекращают пляску, только великан Бурлаченко, весь в мыле, растерянно стоит посреди палубы белоснежной скульптурой.

– Полейте хоть чем-нибудь! – вопит он.

– А ты подожди – может, новый дождик Бог пошлёт, – советует Александр Капелькин.

– Внимание, радиограмма! – сообщает из центрального поста политрук Шаповалов. – Всем свободным от вахты собраться во втором отсеке!

Дождавшись, пока отсек наполнится слушателями, Шаповалов торжественно читает:

– «В последний час!.. На днях наши войска, расположенные на подступах Сталинграда, перешли в наступление против немецко-фашистских войск... Прорвав оборонительную линию противника протяжением 30 километров на северо-западе (в районе Серафимович), а на юге от Сталинграда – протяжением 20 километров, наши войска за три дня напряжённых боёв... продвинулись на 60–70 километров. Нашими войсками заняты город Калач..., станция Кривомузгинская (Советск), станция и город Абганерово. Таким образом, обе железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные восточнее Дона, оказались прерванными. В ходе наступления... полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии противника... Захвачено за три дня боёв 13.000 пленных и 360 орудий... много пулемётов, миномётов, винтовок, автомашин, большое количество складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием... Противник оставил на поле боя более 14.000 трупов солдат и офицеров...»

Громоподобное «ура!» сотрясает отсек, лодку и вырывается на океанский простор. От корабля шарахаются откуда-то прилетевшие чайки.

Братишко, заметив это, широко улыбается:

– Чайки... Стало быть, земля недалеко.

Горизонт с востока, кажется, окутан розовым ватным покрывалом – это пелена облаков, чуть подсвеченная ранним, ещё невидимым солнцем. На верхней палубе С-54, примостившись вокруг пушки, спят моряки. Кто – раскинувшись во всю богатырскую мощь, как Сергей Колуканов, кто – уткнувшись друг в друга, как неразлучные Анатолий Стребыкин и Сергей Чаговец, кто – свернувшись клубком, как Александр Капелькин или Николай Фадеев. Легкий океанский бриз колышет флаг на мачте и заставляет спящих время от времени поёживаться, поглубже втягивать головы в брезентовые робы.

С запада небо ещё тёмное, сон поутру особенно крепок, и, кажется, будто безмолвное пространство над кораблём начинают заполнять лица. Много лиц, преимущественно женских. Они плывут в полумраке, тают, снова прорисовываются ясно различимыми чертами, и вот уже сквозь шелест морской волны поочередно звучат голоса...

«Серёженька! Жигалов! Позовите Жигалова... Серёженька, это я, твоя мама Анна Денисовна. Ты слышишь меня? Как ты там, здоров? Не пей холодного – у тебя же горло слабое...»

«Васильку! Глушенко! Я – твоя Тамилка-полтавка. Як мени бэз тэбэ скрутно! Скориш бы побачитысь, любы мий!..»

«А где Казимир Вашкевич? Скажите – его сестра ждёт... Братик, ты за меня не волнуйся – я сейчас в эвакуации, в городе Тайга Кемеровской области. Живу хорошо – в общежитии паровозного депо. В комнате нас шестеро...»

«Коленька! Семенчинский! Это я, жена твоя Клава! Ты не смотри, что похудела – просто устала. Коленька, сынок наш, растёт быстро ты его, наверное, сразу и не узнаешь. С тех пор, как немцев от Москвы отогнали, в Загорске у нас лечится много раненых – вот и я в госпитале работаю. Лишь бы ты был жив и здоров, мой родной...»

«А командир, командир ваш где? Его отец спрашивает, Кондрат Павлович... Митя, сынок! Давненько не получаем твоих писем, мать волнуется... Ты уж там побереги себя... Знаю, что главное – экипаж, но ты-то у нас один...»

Всё светлее небо, всё расплывчатее и дальше уходят лица. И вот звучит сигнал подъёма, а на востоке солнце, словно поднатужившись, уже подняло и растопило слой облаков, прочертив приземистый, щетинящийся пальмами берег и неширокий створ канала. Панама!

Перед входом в канал, ожидая буксира, сгрудились все наши подлодки. С корабля на корабль летят семафорные приветствия, поздравления с завершением половины пути.

В шестом отсеке «штурман по карте» Александр Морозов расставляет новые флажки.

– Девять тысяч двести три мили позади. Как сказал поэт, ещё напор – и враг бежит!

– Какой поэт? – любопытствует Виктор Нищенко.

– Тебе, одесситу, Пушкина не знать?! Стыдно, товарищ!

– Погоди, война закончится – я всех их наизусть выучу: и Пушкина, и Лермонтова, и Гёте твоего с Марксом-Энгельсом...

– Спорим, Маркса наизусть не выучишь.

– Спорим! А на что?

– На компот!

– Идёт!

– Но компот – сейчас, а Маркс – потом. Когда война кончится...

– Это почему?

– Да потому что! Не выучишь – а где тебя после войны искать?

Мощные электротягачи одну за другой проводят по каналу наши подводные лодки. Мотористы Яков Лемперт и Михаил Богачёв под руководством мичмана Николая Лосева, не теряя времени, навешивают на кормовой надстройке брезент.

– Хорошая будет купальня – совсем как у нас в Аркадии, – похвалил, оказавшись рядом, «вечный одессит» Виктор Нищенко. – А лежаки где?

– Не купальня, а мастерская! – корректирует Лосев. – Здесь не лежаки протирать, а дизельные клапана! Приглашаем всех желающих...

– Ну, тогда я лучше на камбуз – бачки протирать. Демьян, возмёмшь? – кричит Нищенко в люк камбуза.

– Возьму, – доносится голос Капиноса. – Только учти: когда отдадим швартовы, бачки будут пустыми – американцы обещали кормить на берегу.

– Ну вот, и тут облом! – огорчён Нищенко.

К вечеру корабли один за другим становятся к стенке американской военно-морской базы. Над пирсом светится яркая неоновая надпись: Coco-Solo – так называется база. Рядом у причала стоят американские подводные лодки, моряки с которых приветливо машут руками, беретами, кричат:

– Рашен гуд! Сталинград – о-кей!

– Знают, черти, про Сталинград! – с улыбкой ворчит Стребыкин.

Позже вместе с Чаговцом, Жигаловым, Нуждиным и Колукановым он оказывается в местном баре.

– Файв бир, плиз! – обращается к гарсону Нуждин.

– И ещё раков, раков попроси! – напоминает Колуканов.

– Здесь раков нет – только креветки, – поясняет Юрий.

– Креветки?

– Ну да, считай – те же раки, только морские.

– Тоже годятся!

И тут же ребята оказываются в кольце американских моряков.

– О, рашен бразерз! Фром Москоу?

– Ноу Москоу! Ай эм фром Харьков! – демонстрирует Чаговец выучку от Нуждина.

Стребыкин смотрит на него с изумлением:

– Ну, ты даёшь! Когда успел так навестриться? А на занятиях шлангом прикидывался...

– Учись, сынок! – смеётся Чаговец. – Ай ноу инглиш вэл нау!

– Вэл, вэри вэл! – кивает один из чернокожих американцев и, чокаясь кружкой пива, дружески обнимает его.

– А давай споем! – предлагает Чаговцу Колуканов.

И они в два голоса – тенором и баритоном – затягивают:

**Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий, на берег крутой...**

Сначала в баре устанавливается тишина, но постепенно ритм песни увлекает слушателей, они стучат кружками в такт, а потом начинают и подпевать. Из бара моряки выходят в обнимку, обмениваясь то песнями, то сигаретами. И звёзды над пальмами, и яркие огни города светят совсем мирно.

– А где-то у нас – война, – с тоской говорит Сергей Чаговец, когда они стоят уже на палубе своей С-54.

– Неужели кто-то из этих парней выпустил торпеду по нашей Л-16? – в тон ему произносит Анатолий Стребыкин. – Но ведь кто-то же стрелял! И ребята наши – там, в океане, навсегда...

Десятая неделя похода

Карибское море – Саргассово море – Атлантический океан; декабрь 1942 года

С кормы подводной лодки видно, как по мере удаления от берега уходят вдаль пальмы Колона.

– Интересно, – обращается вахтенный комендор Петр Иванов к штурману Константину Тихонову, – почему город называется Колон, а военная база при нём – Коко-Соло?

– Ну, разница в названиях понятна – что-то вроде конспирации. А город назван в честь Христофора Колумба – так его имя звучало в ушах местных жителей.

В центральном посту Анатолий Стребькин принимает от Сергея Чаговца трюмное хозяйство и вахтенный журнал, а по переговорной трубе ему поступают доклады:

– В пятом отсеке вторая смена на вахту заступила. Докладил краснофлотец Колуканов.

– Докладывает краснофлотец Горбенко: в шестом отсеке вторая смена на вахту заступила.

– В четвёртом отсеке вторая смена на вахту заступила...

– На посту всплытия и погружения мичман Лосев на вахту заступил!

– Товарищ старший политрук! – докладывает Стребькин вахтенному офицеру Шаповалову. – На корабле вторая боевая смена на вахту заступила!

– Ну вот, и распечатали вторую половину пути! – удовлетворённо замечает тот, делая запись в вахтенном журнале.

В этот момент в центральный пост входит командир группы движения Донат Негашев и, обращаясь к Стребькину, приказывает:

– Запросите по отсекам наличие воды в дифферентовочных и торпедозаместительных цистернах!

– Есть!

Пока команда выполняется, Анатолий слышит рассказ замполита:

– ... Между прочим, в первую мировую наши союзники тоже отличились: пропустили через Гибралтар немецкие крейсера «Бреслау» и «Гёбен», которые стали полной неожиданностью для русского Черноморского флота.

– А для чего? – не удержался Стребькин.

– Понятно, для чего: англичане не были заинтересованы в усилении русских на Чёрном море, вот и представили дело так, будто немецкие крейсера прорвались случайно.

– А я где-то читал, что эти немецкие крейсера ходили по Средиземному морю задолго до войны – с 1912 года, – заметил Негашев.

Разговор, однако, прерывает спустившийся с мостика Тихонов:

– Там, наверху, настоящее кладбище. Густо фашисты наследили!

Все, включая командира лодки Братишко, поднимаются на палубу. С обоих бортов подлодки проплывают обгорелые остовы полузатопленных кораблей.

– Ничего себе! – изумляется Стребькин. – Как же они сюда добрались?

– Мы-то добрались! – замечает Братишко. – А враг не слабее!..

Вахтенные снова расходятся по местам, Стребькин, явно под впечатлением увиденного, особенно внимательно следит за работой поршневой помпы, которая откачивает воду из трюмов.

Внезапно радист Николай Семенчинский, несущий вахту сигнальщиком, докладывает на центральный пост:

– Корвет сопровождения поднял на мачте три красных огня: «Слышу шум винтов подводной лодки!».

Командир, обедавший в кают-компании во втором отсеке, командует:

– Боевая тревога!

Стребыкин щелкает выключателем – и помпа остановлена. А мичман Лосев, нажимая педаль ревуна, уже рассылает по кораблю тревожный сигнал.

– Полная тишина! – следует новая команда.

И, повинувшись ей, на лодке замерли все механизмы. Ни стуков, ни разговоров. Даже передвигаться в отсеках – и то лишь при особой необходимости – приходится крадучись. Ожидание тянется мучительно долго. Главное – неизвестность: ожидание чего?..

Спустя некоторое время доносятся близкие разрывы глубинных бомб.

– Похоже, корвет старается – нас оберегает, – шепотом поясняет Грудин Стребыкину.

– Лодка начинает рыскать влево, вправо, потом снова – влево, вправо...

– Противолодочным зигзагом пошли – чтобы от торпед уклониться, если вдруг...

Наконец отбой. Братишко, спустившись с мостика, приказывает Шаповалову:

– Соберите людей во второй отсек.

Обращаясь к экипажу, свободному от вахты, он говорит:

– Мы не знаем, была тревога ложной или неизвестная лодка просто затаилась. Наверху вы видели плоды вражеских атак. Атлантика беспечности не простит – здесь фашисты чувствуют себя почти полными хозяевами. А мы рисковать не можем – мы должны выполнить боевую задачу: прийти на Северный флот и сражаться. Поэтому не только приказываю, но и прошу: бдительность и ещё сто раз бдительность! Завтра утром швартуемся к причалу Гуантанамо, военной базы США на Кубе. Придётся заменить всю пресную воду, которую приняли в Кокосоло – она вся испортилась, воняет болотом. После этого – в океан и пойдём на Галифакс, в Канаду. Вопросы есть?

– Разрешите? – возникает из-под руки великана Бурлаченко круглая физиономия малыша Капиноса. – А бани в Гуантанамо не будет? В такой жаре и сами болотом пропахнем...

– Не хватало ещё пиявок в компоте! – возмущённо откликается Михаил Богачёв.

– Отставить, Богачёв!.. Баню постараемся организовать. Ещё вопросы? Нет? Тогда по местам.

На следующий день

– Ну вот и прощай, Гуантанамо! Хороша была банька! – Сергей Чаговец, стоя у лееров на верхней палубе, машет вслед уходящему берегу.

– Не видел ты настоящей бани, – азартно возражает Михаил Богачёв. – Вот после войны приедешь ко мне в Даниловку, в Архангельскую область – я тебе настоящую баньку спроворю, по-чёрному.

– Это как?

– А так! Ни одной щели – чтоб тепло не уходило, даже дым – внутрь... И вот он под потолком стелется – вроде облаков, а внизу так парко, так сладко! И веничком тебя, веничком...

– А сажа?

– Сам ты сажа! Выходишь чистенький как младенец, каждая косточка размякнет... Батюшки, а куда это мы поворачиваем?!

– И правда!.. Товарищ лейтенант!..

Донат Негашев, который несёт в этот момент вахту на мостике, объясняет:

– Что-то у наших американских друзей неладно. С корвета передали: «У меня неисправность. Вынужден вернуться на базу». Приходится и нам.

– Плохая примета, – замечает Богачёв.

– И давно ты в бабкины приметы веришь? – интересуется Чаговец.

– Смейся не смейся, а время теряем!

– То правда...

Через два часа в сопровождении другого американского корабля подлодка снова выходит в океан. Погода заметно изменилась: выше волны, сильнее ветер.

– Как уверяет мой друг Лев Михайлович Сушкин: тучи в ключья – ночью шторм, – ёжась на мостике, говорит Братишко штурману Константину Тихонову. – А нам ещё своих догонять. Скорость нужна по максимуму – до 19 узлов. Передаю вам вахту, но чуть что – будите меня.

– Не беспокойтесь, командир, всё будет как надо, – обещает тот.

С-54 довольно крепко треплет волна, но лодка уверенно идёт вперёд. Чуть впереди, тоже кренясь и ныряя, движется американский корвет. И вскоре перед ними вырастает знакомый силуэт – это подлодка С-51 капитан-лейтенанта Сушкина. Там тоже заметили возвращение отставших было кораблей.

– Сигнальщик! – окликает Тихонов вахтенного Василия Глушенко. – Передайте на С-51: «Всё в порядке. Следую за вами».

Тот сигналами выполняет команду, но в ответ, кроме приветствия, принимает сообщение.

– Товарищ лейтенант! От Сушкина передают: «Стопорю ход. Жду шлюпку с корвета – передаю американского офицера связи».

– Передайте: «Вас понял».

Но сигнальщик в ответ докладывает совершенно непредвиденное:

– Слева девяносто, прямо на нас – торпеда!

Тихонов бросает взгляд в указанном направлении и мгновенно принимает решение:

– Лево на борт! Оба дизеля – самый полный вперёд!

Корабль, накренившись, рванулся в сторону. Братишко, мигом оказавшись на мостике, вместе с Тихоновым замерли, наблюдая, как в бирюзовых волнах, оставляя пенный след, несётся к лодке смертоносная стрела. Глушенко до белизны в пальцах вцепился в поручни сигнальной площадки. Торпеда, устремлённая точно в борт, неотвратимо мчится к цели. Всё

ближе, ближе... Кажется, в невероятном броске дизеля выносят лодку из-под самого её носа. Снаряд, оставляя за собой воздушные пузырьки, пронзает волну метрах в пяти за кораблём. Все, кто видел это, облегчённо переводят дух.

– Молодец, Глушенко! За отличное несение вахты объявляю благодарность! – растроганно говорит командир.

– Служу Советскому Союзу! – улыбаясь до ушей, отвечает Василий.

– Второй раз спасает корабль! – напоминает Тихонов.

– Придём на место – отметим по заслугам, – обещает Братишко. – А что там с корвета передают?

Глушенко докладывает:

– «Подводная лодка противника! Готов бомбить!»

– Лучше позже, чем никогда, – бросает штурман.

И сразу загрохотали поблизости разрывы глубинных бомб. Трюмный машинист Анатолий Стребыкин, находясь с мотористом Константином Соколовым на вахте в седьмом отсеке, в недоумении:

– Ничего себе! Такой концерт мы не заказывали...

Константин, останавливая дизель, раздосадовано откликается:

– Кому концерт, а кому – аплодисменты! На полном ходу крутануть – какая техника это выдержит?

В отсек тут же прибегает командир группы движения Донат Негашев:

– Что случилось? Почему остановили двигатель?

– На третьем цилиндре правого дизеля – задир поршня, товарищ старший лейтенант.

Негашев уходит докладывать о происшествии командиру. Братишко хмурится:

– Донат Иванович, видно, мы плохо подготовили личный состав к новой обстановке.

Атлантика – это уже не Тихий океан, здесь мы всё ближе к войне. Но если такие, как Глушенко, всегда бдительны и в полной боевой, то Соколов явно растерялся от неожиданности – и при резком повороте корабля не сбавил оборотов. В результате – авария. Прошу, во-первых, ввести дизель в строй в кратчайший срок, для этого дать мотористам в помощь матросов из других подразделений. А во-вторых, ещё раз объяснить личному составу, как действовать в новых условиях. Цена ошибки – жизнь! Это должен усвоить каждый...

В отсеке, где идет ремонт дизеля, работает целая группа. Здесь, кроме мотористов, и трюмный Николай Рошин, и комендор Пётр Иванов, и торпедист Яков Лемперт. Качка ещё сильнее, поэтому каждую снятую деталь в отдельности приходится крепить по-штормовому. Особенно достаётся Виктору Бурлаченко: его богатырская сила требуется всякий раз, когда надо переместить тяжелую крышку корпуса или вынуть неподдающуюся втулку цилиндра. Теснота, жара, пары горелого масла от соседнего работающего двигателя – всё это изматывает людей.

– Костя, – обращается Бурлаченко к виновнику аварии Соколову, – ты бы пошёл отдохнул...

Соколов упрямо мотает головой, продолжая работать.

– Ничего, пускай грехи замаливает, – полушутя замечает Рошин.

На третьи сутки дело идёт к концу.

– Соколов, шабаш! – говорит Михаил Богачёв.

– Сейчас! Только вот картер дочисти перед заливкой масла, – откликается тот.

Но усталость даёт себя знать: не проходит и пяти минут, как голова его склоняется на коленчатый вал, и Константин засыпает.

– Ну, где ты там? – через некоторое время нетерпеливо окликает его Богачёв.

Не дождавшись ответа, он обнаруживает Соколова спящим и вместе с Бурлаченко переносит его в койку.

– Перенервничал парень, – говорит Роцин. – Теперь уж точно не забудет, когда обороты сбавлять.

– Товарищ лейтенант, дизель в порядке! – докладывает Бурлаченко, когда в отсек заглядывает Негашев.

– Молодцы! Прокачать маслом и пустить на холостых оборотах.

Корабль снова уверенно режет волну. Мотористы поднимаются подышать на верхнюю палубу. Видя, как лодка набирает ход и, обтирая руки паклей, Бурлаченко говорит:

– Вперёд, на север!

А в это время севернее...

Как и прежде, в кильватер идут две другие подлодки дивизиона С-56 и С-51. В рубке головной из них, флагманской, склонились над картой её командир Григорий Щедрин и комдив Александр Трипольский.

– Через сутки, полагаю, будем на широте Нью-Йорка, а там и до Канады рукой подать... – разминая уставшую спину, говорит Щедрин.

– Ох, не говори «гоп», Григорий Иванович... В этих местах, говорят, такие хуриканы буйствуют!..

– Что ещё за «хулиганы»?

– Хурикан – это карибский бог зла. Так что, добра от него ждать не приходится. Наш «ураган» как раз от его имени и происходит...

– Спасибо американцам – хоть карты у нас теперь приличные. С прежними на какой-нибудь остров напоролись бы да и сидели б робинзонами...

В этот момент лодка особенно сильно накренилась, Щедрин от неожиданности даже схватился за пиллерс.

– Ух ты, и вправду качка усилилась! – По переговорной трубе командует: – Боцман, проверить крепление по-штормовому!

Кажется, корабли попали в один из кругов ада. При диком рёве урагана, под шквалистыми потоками ливня лодки швыряет с борта на борт и вертит, словно бумажные кораблики в уличных воронках. Через шахту подачи воздуха к дизелям, через люк центрального поста то и дело врываются мощные потоки, заливая отсеки. Помпы, включённые на полную мощность, не справляются, и моряки скоро оказываются по колено в воде. При очередном ударе волны лодку заваливает на 45 градусов, и Щедрин слышит тревожный рапорт штурмана:

– Сгорела гирсфера компаса!

– Этого ещё не хватало! – скрипнул зубами командир. – Теперь главное – двигатели уберечь, а то и, правда, к богу... этому чёртовому Хурикану... попадём! Прямо хоть люки задривай...

– Смотри, не задохнулись бы люди, – покачал головой Трипольский. – Да и взорваться недолго – водород ведь...

– Будем проветривать почаще. Лучше бы, конечно, и вовсе на глубину уйти.

– Нельзя. Американцы знают, что у нас приказ идти в надводном положении. Чего доброго, под водой не признают – торпеду пришлют в подарок!

– А как там Кучеренко? Держится? – Щедрин прикидывает к окуляру перископа. Однако на поверхности до самого горизонта – лишь свинцово-тяжелые водяные валы.

– Ох, раскидало нас по всему океану... Батюшки – солнце! – вдруг восклицает он.

И вправду: посреди бушующей стихии вспыхивает солнечная полоса, отчего море выглядит ещё более зловещим. Трипольский поднимает глаза вверх и видит над океаном голубой круг ясного неба.

– Глаз Хурикана, – замечает он. – Самое страшное место тайфуна. Теперь держись!

С-54 тоже бросает то с борта на борт, то с носа на корму и обратно. Братишко неимоверными усилиями удерживается за перила рубки, время от времени попадая под яростные водопады. К нему поднимается штурман Тихонов.

– Я на смену, Дмитрий Кондратьевич.

– Что, время? – Братишко передаёт ему бинокль. – Я думаю, вахту экипажу надо сократить – пусть стоят не по четыре часа, а по два. Побережём ребят – им ещё воевать...

– Хорошая мысль, товарищ капитан-лейтенант. Качка до нутра выматывает, особенно молодых.

А в одном из отсеков парторг лодки, старшина электриков Казимир Вашкевич уединился с Константином Соколовым – виновником недавней аварии дизеля.

– Ты с каких пор на ребят волком смотришь?

– А как прикажешь – зайчиком? Думают, я Ваня-дурачок – ничего не вижу...

– И что ж ты видишь?

– А то! Как случилось это с дизелем, все как с больным разговаривают. А кто и вовсе стороной обходит. Будто я зараза какая...

– Да кажется тебе всё это!

– «Кажется»? Ты Лосева, старшину моего послушай. Вчера спрашивает: «Соколов, ты ногти давно стриг?» А позавчера: «Ты зачем окурки в галльон бросаешь?»

– А в самом деле – зачем?

– Ну а что – каждый раз на палубу их нести? Или в карман прятать?

– Зачем? Для этого есть определённое место. Да и ногти стричь – не последнее дело. Морскую культуру ещё никто не отменял...

– Какую культуру? Не сегодня-завтра в бок шарахнет – и рыбам будет всё равно, кого обглаживать: меня с ногтями или тебя без ногтей!

– Ну что ж, может и шарахнуть. Но мы-то пока не рыб ловим – мы...

– Сейчас ты запоёшь: когда страна быть прикажет героем, у насгероем становится любой... Знаю, сам пел!

– Константин, – удивился Вашкевич, – я смотрю, ты совсем одичал?! Надо бы тебе ребят поближе держаться, а? Вступай-ка в комсомол! У нас почти вся лодка партийно-комсомольская – три человека всего неохваченных... Будешь на собрания ходить, в общих делах участвовать смотришь, и хандра пройдёт.

– А рыбы что, комсомольцев не жрут?

– Говори, да не заговаривайся! Здесь, между прочим, тоже фронт.

– А я сюда просился? Вообще – меня кто-нибудь спрашивал, где мой фронт? Я немцев бить хочу! Немцев, понял?! По какому праву кто-то решил отправить меня в эту кругосветку? И вообще: ради чего нас, двести человек, послали за тысячи миль эту хлябь глотать? – Соколов сплюнул и растёр по паёлам густой солёный сгусток.

Переведя дыхание, он посмотрел Вашкевичу в глаза:

– Что молчишь? Пойдёшь сейчас докладывать, что Соколов морально разложился? Иди! Беги! И что ты мне сделаешь? Арестуешь? Но мы все тут в одной душегубке. На берег высадишь? Так неизвестно, дойдем ли мы до того берега. Расстреляешь по команде командира? Давай, стреляй!

Соколов уже почти кричал, и только рёв урагана за кормой мешал услышать его вопли кому-нибудь за пределами отсека.

Вашкевич долго молчал, потом ответил медленно – будто самому себе:

– По-моему, человек живет не ради того, как умереть, а ради того, как жить. Ты, конечно, не трус. Но ты – один. Одному – труднее. Потом сам поймёшь – стыдно будет.

– Поэтому ты меня в комсомол агитируешь? – спросил Соколов насмешливо. – Опять клясться, что буду верно служить... тыры-пыры...? Так я же присягу давал – на кой чёрт опять лбом биться? Или теперь уже «служить верней верного»? Нет, Казимир мой дорогой, – проговорил Соколов, успокаиваясь, – я и без комсомольского билета Родину защищать буду. И не хуже твоего. Хотя, конечно, притвориться проще: написать заявление, билет получить для галочки... Но тебе-то это зачем?

Утро встретило подводников тихим снежком. Море жадно глотало густо падавшие снежинки, словно утоляло жажду после трёх ураганных суток.

Григорий Щедрин, получив доклад штурмана, констатировал:

– Александр Васильевич, крепенько нас качнуло! Отклонение от курса – 60 миль, повреждены цистерны главного балласта, покорёжен легкий корпус, затоплен снарядный погреб.

– Ну, а до Галифакса своим ходом дотянем?

– Должны дотянуть – недалеко осталось.

Спустя некоторое время вахтенный офицер докладывает:

– На горизонте неизвестные корабли!

– Кажется, нас уже встречают, – заметил Трипольский. – Думаю, это канадский эскорт.

В этот момент лодка вдруг будто уткнулась в невидимую стену.

Не успел Щедрин сообразить, в чём дело, как с центрального поста доложили:

– Заглохли оба дизеля!

– Не иначе – воды нахлебались!

В сердцах стукнул Щедрин по леерам.

В перископ видно, как не ожидавшие подобного манёвра корабли канадского охранения навели на лодку свои пушки. Транспорты сопровождения – на всякий случай! – шарахнулись в стороны.

Несколько минут на лодке царит замешательство – пока Трипольский не сообразил, что происходит, и не скомандовал дать на эсминцы опознавательный сигнал.

Галифакс (Канада), 15 декабря 1942 года

Морозно: палубы четырёх советских лодок, стоящих у причала, обледенели. Но вход в штаб военно-морского флота Канады выглядит торжественно: выстроен почётный караул, у дверей государственные и морские флаги Канады и СССР. Когда к штабу подъезжают машины с командирами подводных лодок и комдивом Трипольским, навстречу им выходит командующий флотом Канады контр-адмирал Мюррей. Звучит марш, во время которого офицеры обмениваются приветствиями и входят в здание.

Усадив гостей, Мюррей угощает их сигарами.

– Я чрезвычайно рад, господа, приветствовать вас на канадской земле – земле Её Величества королевы Великобритании. Прежде всего хочу поздравить вас с успешным завершением очередного этапа вашего героического похода, который, несомненно, войдёт в морскую историю. Позвольте мне также принести извинения за то недоразумение, которое случилось с двумя вашими кораблями на подходе к Галифаксу...

Трипольский улыбнулся:

– Господин контр-адмирал, у нас, у русских, говорят: всё хорошо, что хорошо кончается. Поэтому не стоит, наверное, так официально... Во всём виноват шторм, не так ли?

Рулевой Сергей Жигалов, моторист Александр Капелькин и комендор Иван Грушин очищают палубу С-54 от снега и льда.

– Не-ет, Галифакс – не Ташкент! – категорически заявляет Жигалов, ёжась от пронизывающего ветра. – Мне Панама больше климатит.

Капелькин, которому при его небольшом росте, кажется, проще свернуться «ёжиком», чтобы не растерять тепло, весело возражает:

– У нас в Угличе и не такое бывает. На Волге зимой знаешь как? Ледок – катком, ветерок – с матерком, во как! Главное – что мы из этого чёртова хурикана выбрались. Недели две теперь ремонтироваться придётся.

– А слышал, как канадцы 56-ю чуть не угрохали? – поднял голову Грушин.

– Что значит «чуть не угрохали»?

– А то и значит! Только-только лодка от шторма очухалась... ну, ребята решили: сейчас водичку вычерпаем, в порт войдём – и, считай, у бога за пазухой... а не тут-то было. Враз заглохли оба двигателя!

– Оба?! – в один голос удивились Капелькин и Жигалов.

– Оба и в один момент! – Грушин вполне удовлетворён произведённым впечатлением. – А тут откуда ни возьмись – канадский конвой. Там видят: подводная лодка. Откуда им знать, что советская? Издалека не видать! Да и не бывало тут наших отродясь. Зато немецкие ходят как у себя дома...

– Ну?!

– Ну, транспорты, понятное дело, по сторонам, а три эсминца помчались напрямик на нашу красавицу, уже и пушки наставили. Одного только, наверное, не поняли – чего это она в волнах, как беспривязная, болтается?.. Щедрин наш, конечно, первым делом на свой флаг смотрит – поймут же, наконец, чья лодка перед ними! А флаг-то мокрый, заледенел, в кулёк свернулся! Пришлось сигнальщикам ручонками помахать... Короче, минут пятнадцать бра-тишки наши поёжились пока канадцы не опознали.

– А ты не заливаешь? – усомнился Жигалов. – Что ж, им не сообщали, что ли?

– Ну, с начальством, конечно, наш приход согласован. А вот то, что в канадских водах будет дрейфовать лодка, да ещё похожая на немецкую... По радио-то нам запрещено выходить на связь!

– Эй, салаги! – окликнул их кто-то. – Держи концы!

– О палубу рядом с моряками ударился увесистый снежок. Оглянувшись, ребята увидели, что с соседней С-55 их собралась «обстреливать» целая ватага. Мигом бросив скребки и мётлы, они налепили ответных гостинцев. С борта на борт полетели белые комки. Один из них с особенно громким стуком ударился о сталь палубы.

– Чур, лёд не швырять! – запротестовал Жигалов.

В этот момент на них обрушился «снегопад» сзади, со стоявшей по другому борту С-51.

– Так нечестно! – завопил Капелькин, тщетно пытаясь отбиться. – Братцы, они второй фронт открыли!

– Не пищать! – скомандовал Грушин и прижался спиной к рубке. – Советские не сдаются!

На причале тем временем собрались зрители – канадские моряки и рабочие-ремонтники. Улыбаясь, они наблюдали, как резвятся стосковавшиеся по простым земным радостям эти разыгравшиеся мальчишки.

– Ребята, наших бьют! – подбежав к рубке, закричал вниз Жигалов.

Однако вместо ожидаемой помощи из люка показался лейтенант Донат Негашев.

– Отставить! – скомандовал он, но тут же о его фуражку стукнулся очередной «снаряд». – Ах, вы так?!

Засучив рукава, командир группы движения включился в битву.

– Ура-а! – заорали подчинённые, вдохновлённые таким поворотом событий.

Тем временем встреча в штабе флота продолжалась. – Наше охранение можно понять, – объяснял контрадмирал Мюррей. – На путях союзных конвоев постоянно «охотятся» целые стаи немецких подводных лодок – по 3–5 субмарин в каждой. Приходится быть особенно бдительными.

– Сейчас для нас главное – поскорее провести ремонт, – Трипольский перевёл разговор на более актуальную тему. – После шторма повреждения довольно серьёзные.

– Мы вас слушаем, – подобрался Мюррей и кивнул своему помощнику: – Записывайте!

– Братцы, братцы!

По причалу бежит к лодке Юрий Нуждин с кипой газет.

«Бой» тут же прекращается, и со всех лодок народ сбегает по трапам, окружая его.

– Послушайте, что пишут канадские газеты. Перевожу: «Как сообщает советское информационное агентство... за последнюю декаду Красная армия в районе Сталинграда захватила в плен 49.700 солдат и офицеров противника... Так... м-м-м... так...»

– Ну что ты «затакал»? Читай скорей! – не выдерживает кто-то.

– Тише ты! – одёргивает его сосед. – Это тебе не букварь. Тут с русского на английский, а потом – с английского на русский... Тут точность нужна!

Толпа хохочет, а Нуждин продолжает:

– «За эти дни сталинские гвардейцы захватили у противника 172 танка, около 1900 орудий и 54.000 винтовок, 80 радиостанций, больше тысячи мотоциклов, почти 7 тысяч лошадей, до сотни складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием. Фашисты потеряли больше ста самолётов, 130 танков и 250 орудий разного калибра. За 24 один только день на поле боя осталось более 7.000 трупов немецких солдат и офицеров».

– Глянь, тут и шарж нарисован, – заглядывает Стребькин Нуждину через плечо.

И правда, в газете красуется огромная бутылка «Советского шампанского», внутри перепуганная шайка фашистов с Гитлером во главе, а вокруг бутылки с балалайкой в руке и в форме буденовца пляшет вприсядку Сталин. Моряки с удовольствием рассматривают рисунок, а Василий Глушенко хлопает по плечу Сергея Чаговца:

– Цэ ж вин гопака танцюе!

– Вот это наши дают! – восхищённо произносит Виктор Бурлаченко и в порыве радости подхватывает Нуждина на руки.

– Качать его! – восклицает Михаил Богачёв.

Идея попадает на благоприятную почву, и Юра взлетает над головами.

– Да я-то, я-то при чём? – пытается тот не растерять газеты. Полёты прекращаются только от неожиданных криков.

– Мистер камрэд! Мистер офицер! Рашен, плиз! – бежит к кораблю по причалу странный человек.

Негашев, успевший после игры привести себя в порядок, спускается ему навстречу:

– Ай'м лисенинг!

– Ай хэв э синема. Ай инвайт ол ю! Фри! Плиз! Ай хэв э совет филм тудей! Эбаут э баттл ниа Москау!

Негашев слушает его сначала удивлённо, потом, попросив минуту, взбежал на корабль, но вскоре вернулся, поблагодарил гостя и что-то ему пообещал. Когда канадец ушёл, объяснил матросам:

– Это хозяин кинотеатра. Он получил советский фильм о битве за Москву и приглашает всех нас бесплатно в свой кинотеатр. А ещё он сказал, что двери его кинотеатра бесплатно открыты для русских моряков всегда.

Вечером в кинотеатре идет фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Правда, в американском варианте картина называется иначе – «Москва наносит ответный удар». Но зал полон.

И подводники, давно знавшие о победе под Москвой, вместе со всеми присутствующими впервые воочию видят, как строила столица заградительные сооружения, как днём и ночью работали оборонные заводы, как женщины и подростки тушили зажигалки во время вражеских налётов, как сражались в заснеженных морозных полях героини-красноармейцы и как освобождали от врага подмосковные деревни и города.

Когда фильм заканчивается и вспыхивает свет, весь зал встаёт и, повернувшись к нашим морякам, рукоплещет им. И Анатолий Стребькин, Сергей Чаговец, Виктор Нищенко, как и другие ребята, смущенно улыбаясь, даже не пытаются прятать мокрые от слёз глаза.

– Господа, я всё понял, – контр-адмирал Мюррей встал и торжественно продолжил: – Объём ремонтных работ действительно велик. Это и неудивительно после такого долгого и трудного пути. Я сегодня же отдам приказ – и можете не сомневаться: мы сделаем всё возможное, чтобы справиться как можно быстрее и качественнее, помочь доблестным русским морякам вернуться на родину и вступить в бой с нашим общим врагом! Будьте уверены: уже в двадцатых числах декабря ваши лодки смогут выйти в море.

Командиры выслушали эти заверения стоя, после чего Трипольский крепко пожал канадцу руку:

– Надеюсь после победы встретиться в Москве!

Во втором отсеке командир С-54 Дмитрий Кондратьевич Братишко собрал всех свободных от вахты. Начал шуткой:

– Как всегда – в тесноте, да не в обиде. Но продолжал серьёзно: – Завтра – в море. Впервые, выражаю благодарность всему личному составу за ударный труд по ремонту корабля. Работы выполнены быстро и качественно – надеюсь, лодка не подведёт. Тем более, что идём пока не домой.

Отсек разочарованно загудел.

– А 51-я... – начал кто-то.

– Да, 51-я берёт курс на Полярный. У нас положение другое. Дизели, сами знаете, в очень изношенном состоянии. Поэтому получен приказ: идти в шотландский порт Розайт, произвести замену двигателей и аккумуляторных батарей, только после этого пойдём к родным берегам.

Снова в отсеке раздаются недовольные голоса. Братишко оглядел лица моряков, остановился на Викторе Нищенко, который, почти по-детски капризно скривил губы:

– Отставить скулёж! Вот и краснофлотец Нищенко напоминает, что мы – люди военные, сидим не на одесском Привозе, а стало быть, базарить нам не к лицу. Так, Нищенко?

– Так точно, – вздыхает Виктор.

– Но это первая новость, – продолжил Братишко. – Вторая – приказ главкома (читает) «о порядке выдачи водки личному составу кораблей и частей действующих флотов и флотилий» от 10 декабря 1942 г.

В отсеке снова зашумели, но теперь уже возбуждённо.

– Фадеев, – обратился командир к широколицему акустику, – откуда такая радость? Раньше я не замечал за вами особого пристрастия к зелью. Или это радист Семенчинский на вас так влияет?

– Нет, товарищ капитан-лейтенант, – Николай расплывается в добродушной улыбке. – Просто он предлагает мне выпить за ваше здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.